Пр. Ѳ. И. ТИТОВЪ.

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ЭПОХУ РЕФОРМЪ.

(1796—1819 г. г.).

Выпускъ I.

КІЕВЪ.
Типо-литографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., д. № 22.
1910.

Кіевская духовная Академія въ эпоху реформъ.

Конецъ XVIII в. и начало XIX в. составляютъ особенную эпоху въ трехвѣковой исторіи Кіевской духовной Академіи. Послѣдніе годы XVIII в. и начальные годы XIX столѣтія могутъ быть названы временемъ преобразованій въ жизни Кіевской духовной Академіи. Посредствомъ этихъ преобразованій наша Академія постепенно вводилась въ общую систему духовно-учебныхъ заведеній Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этимъ же преобразованіямъ, старая Кіевская Академія утрачивала нѣкоторыя специфическія, свойственныя только ей одной, особенности, и дѣлалась во всемъ подобною прочимъ русскимъ академіямъ, какъ высшимъ богословскимъ школамъ Россіи. Въ теченіи разсматриваемаго нами времени *Кіевская Академія*, бывшая общесословнымъ и въ значительной степени общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, постепенно превращалась въ *Кіевскую духовную Академію*, ставшую спеціальною высшею богословскою школою, въ которой должны были заканчивать свое богословское образованіе преимущественно дѣти духовенства для приготовленія къ духовному служенію и къ преподаванію въ среднихъ и низшихъ духовныхъ школахъ. Такая перемѣна окончательно наступила для нашей Академіи въ 1819 году, который и заканчиваетъ собою указанную преобразовательную эпоху въ ея исторіи.

Реформы, имѣвшія мѣсто въ жизни Кіевской Академіи въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в., находились бо́льшею частію въ тѣсной органической связи съ общими мѣропріятіями русскаго правительства по части устройства народнаго образованія въ Россіи и, въ частности, съ распоряженіями св. синода относительно устройства духовныхъ школъ въ Россіи. Подобными мѣропріятіями и распоряженіями было богато особенно екатерининское время.

Такъ, въ 1782 г. императрица Екатерина II назначила спеціальную коммиссію, подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго [1], для составленія общаго плана устройства школъ въ Россіи и для заведенія самыхъ этихъ школъ. Коммиссія скоро исполнила данное ей порученіе и 5 августа 1786 г. былъ объявленъ Высочайше утвержденный уставъ народныхъ училищъ Россійской имперіи [2]. По смыслу этого устава народныя училища устроялись въ Россіи двухъ видовъ: главныя и малыя. Главныя училища имѣли быть открыты въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ, а малыя—частію въ губернскихъ же и частію въ уѣздныхъ городахъ. Главныя училища состояли изъ 4 классовъ, въ которыхъ, послѣ обученія чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ христіанскаго закона и добронравію, изучались слѣдующіе предметы: пространный катихизисъ, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметика, грамматика, географія—всеобщая и русская, географія математическая, исторія—всеобщая и русская, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры, основанія латинскаго языка и «того иностраннаго языка, какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, можетъ быть полезнѣе, по употребленію его въ общежитіи».

Въ малыхъ народныхъ училищахъ изучались тѣ предметы, которые были положены въ первыхъ двухъ классахъ главныхъ училищъ.

Главныя народныя училища должны были приготовлять учителей для малыхъ училищъ. А для приготовленія учителей въ главныхъ училищахъ была открыта въ С.-Петербургѣ спеціальная учительская семинарія, или гимназія. Въ первое время существованія этой послѣдней контингентъ ея учениковъ составлялся преимущественно изъ числа воспитанниковъ нашихъ духовныхъ школъ, въ томъ числѣ и Кіевской Академіи.

По обнародованнымъ вмѣстѣ съ «Уставомъ» пріемамъ и методамъ преподаванія въ народныхъ училищахъ, требовалось, чтобы

---

[1]) Гр. П. В. Завадовскій самъ былъ изъ воспитанниковъ до-реформенной Кіевской Академіи.

[2]) См. Полн. собр. закон. Россійск. Имп., т. XXII, № 16.421 стр. 46—669.

всякій предметъ изучался во всѣхъ своихъ существенныхъ пунктахъ въ каждомъ классѣ и преподаваніе одного и того же предмета въ различныхъ классахъ должно было различаться только большимъ количествомъ частныхъ мыслей, вытекающихъ изъ главной, широтою и обстоятельностію объясненій, и разложенія каждой главной мысли. Благодаря такому концентрическому методу преподаванія, въ главныхъ народныхъ училищахъ одинъ и тотъ же предметъ раздѣлялся между нѣсколькими классами: низшимъ среднимъ и высшимъ.

Мы нарочито остановились съ большою подробностію на рѣчи о народныхъ училищахъ, учрежденныхъ у насъ въ 1786 году, такъ какъ эти училища во многихъ отношеніяхъ сдѣлались примѣромъ для преобразованія и устройства нашихъ духовныхъ школъ, въ томъ числѣ и Кіевской Академіи. Еще 15 мая 1785 года, слѣдов., до обнародованія закона объ учрежденіи народныхъ училищъ въ Россіи императрица Екатерина II. по поводу синодальнаго доклада объ изданіи инструкціи для управленія монастырями и церквами въ Польшѣ новоназначенному епископу Виктору Садковскому, давая согласіе на отпускъ изъ казначейства 2000 руб. въ годъ на содержаніе Слуцкой семинаріи, выражала желаніе, чтобы «для преподаванія ученій, сей семинаріи свойственныхъ, церкви и народу полезныхъ, присвоенъ былъ образъ, для всѣхъ училищъ въ имперіи узаконенный». Св. синодъ не только принялъ къ исполненію это указаніе императрицы, но и, сверхъ того, «за долгъ себѣ поставилъ распространить сію высокомонаршую волю на всѣ въ вѣдомствѣ (его) состоящія внутри Россіи училища».

На основаніи сейчасъ изложенныхъ соображеній, св. синодъ тогда же рѣшилъ разослать изданныя коммиссіею народныхъ училищъ книги и таблицы и, сверхъ того, указомъ 27 декабря 1785 г. распорядился, чтобы изъ всѣхъ духовныхъ семинарій избранные воспитанники были отправлены въ ближайшія по мѣстоположенію главныя училища для ознакомленія съ методами преподаванія въ сихъ послѣднихъ, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи изъ главныхъ училищъ, они могли тѣ же методы примѣнять и въ духовныхъ школахъ, начиная съ низшихъ классовъ. Тѣмъ же указомъ св. синодъ предписывалъ слѣдующій порядокъ преподаванія наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ: «физику и о должностяхъ человѣка изъяснять въ философіи, исторію и географію въ риторикѣ, а ариѳметику въ грамматикѣ

и синтаксимѣ: малому катихизису обучать въ нижнемъ классѣ, но повторять и въ высшихъ.»

Вслѣдствіе этихъ распоряженій св. синода, началось постепенное примѣненіе учебнаго строя духовно-учебныхъ заведеній къ таковому же строю въ народныхъ училищахъ. Та же самая система примѣненія была введена и въ Кіевской Академіи. 13 февраля 1786 г. Кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, въ качествѣ непосредственнаго начальника Кіевской Академіи, приказалъ «присвоить немедленно» этой послѣдней «образъ ученія, для всѣхъ училищъ въ имперіи Россійской узаконенный».

Въ 1788 году совершилась новая, хотя и менѣе важная, перемѣна въ учебно-административномъ строѣ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и Кіевской Академіи. 6 мая 1788 г. императрица Екатерина II приказала вмѣсто новгородской и петербургской духовныхъ семинарій учредить въ Александроневскомъ монастырѣ главную семинарію духовнаго вѣдомства, въ которую лучшіе воспитанники другихъ семинарій должны были поступать для приготовленія къ учительской службѣ въ высшихъ классахъ своихъ семинарій [1]). Св. синодъ, съ своей стороны, рѣшилъ распространить волю императрицы и на другія духовно-учебныя заведенія и 27 іюля 1788 г. распорядился присвоить значеніе главныхъ семинарій также и Кіевской и Московской академіямъ, съ примѣненіемъ къ нимъ того же порядка относительно окружныхъ семинарій, какой былъ указанъ для Петербургской главной семинаріи. Въ частности, относительно Кіевской Академіи было рѣшено св. синодомъ, чтобы въ нее посылались, съ цѣлію приготовленія къ учительскимъ должностямъ, воспитанники слѣдующихъ духовныхъ семинарій, ближайшихъ къ Кіеву: Черниговской, Новгородской и заграничной Слуцкой [2]).

Эта послѣдняя мѣра, при всей своей видимой малозначительности, заслуживаетъ вниманія къ себѣ особенно съ той стороны, что она послужила первымъ шагомъ къ примѣненію начала окружного управленія въ нашемъ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, каковое начало совершенно опредѣлилось и было введено здѣсь уже въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

[1]) См. тамъ же, т. XXII (изд. 1830 г.) № 16.659 стр. 1074.

[2]) См. тамъ же, т. XXII (изд. 1830 г.) № 16.691 стр. 1090—1091.

Во все послѣдующее время царствованія императрицы Екатерины II мы не видимъ никакихъ другихъ попытокъ къ преобразованіямъ въ строѣ духовно-учебныхъ заведеній, за исключеніемъ, пожалуй, того, что въ 1794 г. къ началу новаго учебнаго года было прекращено преподаваніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской Академіи, французскаго языка, сдѣлавшагося тогда неблагонадежнымъ въ глазахъ высшаго правительства.

Съ наступленіемъ новаго царствованія въ Россіи, начались нѣкоторыя перемѣны въ положеніи и строѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, завершившіяся довольно значительною реформою ихъ 31 октября 1798 года. Къ рѣчи объ этихъ послѣднихъ и, въ частности, о реформѣ духовныхъ школъ въ Россіи, состоявшейся 31 октября 1798 г., мы теперь и переходимъ.

19 февраля 1797 г. императоръ Павелъ I далъ слѣдующій указъ на имя св. синода: «по происшедшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу своихъ помѣщиковъ оказалося, что многіе изъ священниковъ и церковнослужителей, вмѣсто того, чтобъ, по долгу ихъ, правилами церковными и регламентомъ духовнымъ предписанному, наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ, а въ великолуцкомъ уѣздѣ погоста Оконъ священникъ простеръ до такой степени свое непстовство, что изъявилъ неуваженіе къ особѣ государя, подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ. Предавъ виновныхъ надлежащему суду, не можемъ оставить безъ примѣчанія синоду нашему о наблюденіи какъ отъ онаго, такъ и отъ епархіальныхъ архіереевъ за подчиненными имъ духовными, дабы въ санъ сей поступали люди надежные, и въ поведеніи безпорочномъ испытанные, которые и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали бы духовныхъ чадъ своихъ въ спокойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ, и дабы люди развратные въ такомъ званіи терпимы не были».

Св. синодъ тогда же, еще 23 февраля 1797 г. сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по поводу приведеннаго сейчасъ высочайшаго повелѣнія. Кромѣ того, нѣсколько позже, именно 7 мая 1797 г. св. синодъ предписалъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, между прочимъ, о томъ, чтобы они «прилагали пастырское попеченіе какъ о умноженіи въ семинаріяхъ учениковъ, такъ и о благоустройствѣ са-

мыхъ училищъ, наблюдая всемѣрно о успѣхѣ ученія, а паче надъ благонравіемъ учащихся, чтобы они чужды были всякаго буйства, и въ поведеніи безпорочны, дабы, вступивъ послѣ въ чинъ священный, и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали духовныхъ чадъ своихъ въ спокойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ; и для того произведеніе въ санъ священства тако воспитанныхъ семинаристовъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами объ нихъ настояли» [1]).

Мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ, которыя бы показывали, что синодальное распоряженіе, обнародованное 7 мая 1797 г., имѣло какіе-либо практическіе результаты. По крайней мѣрѣ, въ теченіи 1797 г. мы не видимъ никакихъ особенныхъ заботъ со стороны епархіальныхъ архіереевъ о благоустройствѣ духовныхъ школъ, равно какъ незамѣтно и особеннаго «попеченія о умноженіи» учениковъ этихъ послѣднихъ. Вѣроятно, все дѣло ограничилось обычными распоряженіями епархіальныхъ архіереевъ объ исполненіи синодальнаго указа.

Между тѣмъ высшее правительство продолжало свои мѣропріятія, направленныя къ болѣе или менѣе рѣшительному преобразованію нашихъ духовныхъ школъ. 18 декабря 1797 г. св. синоду былъ объявленъ важный въ этомъ отношеніи указъ. Императоръ Павелъ I, «почитая попеченіе о благоустройствѣ церкви и призрѣніе къ служащимъ ей одною изъ главнѣйшихъ обязанностей», повелѣвалъ учредить, кромѣ Московской и Кіевской Академій, существовавшихъ и прежде, еще двѣ академіи: въ С.-Петербургѣ и въ Казани. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и штатная казенная сумма, отпускавшаяся на содержаніе академій и всѣхъ вообще духовныхъ школъ [2]).

Когда 11 января 1798 г. этотъ Высочайшій указъ заслушивался въ св. синодѣ, то членъ этого послѣдняго, Новгородскій и Петербургскій митрополитъ Гавріилъ словесно объявилъ волю государя о томъ, чтобы преобразована была, прежде всего, Петербургская невская академія и затѣмъ уже, по ея примѣру, были устроены другія три академіи. Кромѣ того, государь, по словамъ м. Гавріила, выра-

[1]) См. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г. г.) Томъ I (1796—1803 г. г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями пр. Ѳ. П. Титова. К. 1910 г. № V, стр. 21—24.

[2]) См. тамъ же № XII, стр. 34.

жалъ желаніе, чтобы на будущее время во всѣ академіи посылались лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій для завершенія своего богословскаго образованія [1]).

Такимъ образомъ, пожеланія государя клонились только къ дальнѣйшему развитію программы преобразованія духовныхъ школъ, намѣченной еще въ прежнее царствованіе.

Св. синодъ немедленно приступилъ къ осуществленію указанной ему задачи. Еще въ засѣданіи 11 января 1798 г. онъ опредѣлилъ составить примѣрное росписаніе духовныхъ семинарій, съ распредѣленіемъ ихъ между 4 академіями, въ которыя, по мѣстнымъ условіямъ, должны были изъ нихъ поступать лучшіе ученики для завершенія своего образованія. Въ засѣданіи 23 апрѣля 1798 г. св. синодъ разсматривалъ это росписаніе и одобрилъ его. Между прочимъ, къ Кіевской Академіи были приписаны тогда слѣдующія окрестныя семинаріи: новороссійская, черниговская, минская, брацлавская, бѣлоградская, харьковская, переяславская и житомірская [2]).

9 августа 1798 г. св. синодъ еще разъ обсуждалъ росписаніе духовныхъ семинарій по академическимъ округамъ, причемъ къ кіевскому округу, кромѣ перечисленныхъ выше, были отнесены еще слѣдующія двѣ семинаріи: бѣлорусская и смоленская [3]).

---

[1]) См. арх. св. син. 1798 г. д. № 27, л. 1. Въ этомъ дѣлѣ собраны документы, относящіеся къ реформѣ духовныхъ школъ 31 октября 1798 г. и доселѣ мало использованные нашими историками духовно-учебнаго образованія въ Россіи...

[2]) См. тамъ же л.л. 3 и 4.

[3]) См. тамъ же л. 5. Въ это же самое время было сужденіе въ св. синодѣ о томъ, чтобы ученики духовныхъ семинарій, посылавшіеся въ свои окружныя академіи для довершенія богословскаго образованія, получали въ академіяхъ казенную квартиру, пищу и бѣлье, а верхнюю одежду и обувь имѣли отъ тѣхъ семинарій, изъ которыхъ присылались. Это новое распоряженіе имѣло въ виду установить болѣе тѣсную связь между академіями и семинаріями, приписанными къ нимъ. Съ этою же цѣлью академіямъ впослѣдствіи (указомъ 31 октября 1798 г,) вмѣнено было въ обязанность разсылать росписанія курса наукъ и учебныхъ часовъ по семинаріямъ своего округа. См. у Б. В. Титлинова. Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи. Вып. I. В. 1908 г. стр. 8.

Одновременно съ этимъ шли и другія приготовленія къ преобразованію духовныхъ школъ. 25 января 1798 г. св. синодъ рѣшилъ собрать отъ всѣхъ епархіальныхъ архіерсевъ подробныя свѣденія о зданіяхъ, въ какихъ помѣщались духовныя школы, существовавшія тогда по епархіямъ, объ учебныхъ курсахъ, учителяхъ, равно какъ постановлено было потребовать отъ нихъ соображенія касательно желательныхъ перемѣнъ съ цѣлію улучшенія духовныхъ школъ. А отъ митрополитовъ — Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго и архіепископа Казанскаго, въ вѣдѣніи которыхъ находились академіи, св. синодъ потребовалъ еще дополнительныхъ соображеній о томъ, «какія должно пріумножить въ нихъ науки, съ обозначеніемъ купно и суммъ на жалованье тѣхъ студентовъ, кои для образованія изъ прикосновенныхъ къ каждой академіи семинарій присылаемы будуть» [1]).

Распоряженіе о доставленіи всѣхъ подобныхъ свѣденій было объявлено циркулярнымъ указомъ св. синода 11 февраля 1798 г. Полученныя отъ епархіальныхъ архіереевъ свѣденія и соображенія и послужили главнымъ фундаментомъ для духовно-учебной реформы, введенной 31 октября 1798 года.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ, разумѣется, донесенія тѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились академіи, такъ какъ именно ихъ соображенія и легли въ основу собственно академической реформы 31 октября 1798 года.

Самый полный докладъ о наличномъ состояніи Петербургской Академіи и наиболѣе обстоятельный проэктъ преобразованія всѣхъ духовныхъ академій представилъ въ маѣ 1798 г. Новгородскій митрополитъ Гавріилъ [2]). По его донесенію [3]), въ невской академіи, на основаніи духовнаго регламента и синодальнаго указа отъ 27 іюля 1788 года, изучались слѣдующіе предметы: латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, катихизисъ (для всѣхъ учениковъ, которыхъ было до 200 чел.), натуральная исторія,

---

[1]) См. арх. св. син. 1798 г. д. № 27 л. 6.

[2]) Гавріилъ Петровъ, архіепископъ и потомъ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (1775—1800 г. † 26 января 1801 г.). См. у П. Строева. Списки іерарховъ. С.-П.Б. 1877 г., стр. 37—38.

[3]) См. арх. св. син. 1798 г. д. № 27, лл. 337—347.

чистая математика, поэзія, риторика, классъ высшаго краснорѣчія, философіи и богословіи.

М. Гавріилъ выражалъ пожеланіе, чтобы на будущее время въ академіи изучались, кромѣ перечисленныхъ предметовъ, еще еврейскій языкъ, «для лучшаго успѣха въ богословіи», и краткія введенія въ философію и богословію. Кромѣ того, онъ, имѣя въ виду, что академіи учреждались «наипаче для образованія учителей» семинарскихъ проэктировалъ академію «раздѣлить на двѣ части, т. е. низшую и, высшую». Въ «низшей части» академіи должны были изучаться общесеминарскіе предметы, а въ высшей—тѣ, которые составляли особенность только академическаго курса и назначались «для образованія хорошихъ учителей», т. е. во 1) полная система богословіи и философіи, во 2) высшее краснорѣчіе и въ 3) геометрія и тригонометрія. Сверхъ того, студенты академіи изъ воспитанниковъ окружныхъ семинарій могли, въ случаѣ необходимости, посѣщать уроки иностранныхъ языковъ, которые изучались въ «низшей части» академіи. Такимъ образомъ, по проэкту м. Гавріила, въ академіяхъ учебный курсъ долженъ былъ распадаться на слѣдующіе 7 классовъ: 1) латинскій, который, въ свою очередь, распредѣлялся на три класса, или отдѣленія: а) информаторія (курсъ ея изучался въ теченіи 1 года); б) низшій латинскій (1 годъ) и в) высшій латинскій (1 – $1^1/_2$ г.); 2) латинской и россійской поэзіи (1 г.); 3) реторическій классъ (2—3 г.); 4) низшій философскій классъ (1 г.); 5) низшій богословскій (1 г.).

Ученики, окончившіе низшій богословскій классъ, подвергались, по проэкту м. Гавріила, экзаменамъ, послѣ которыхъ малоуспѣшные и неспособные опредѣлялись на должности къ сельскимъ церквямъ, а лучшіе изъ нихъ переводились въ «высшую часть» академіи. Въ этой послѣдней, по проэкту м. Гавріила, полагалось два класса, а именно: 6) классъ философскій (2 года) и 7) высшій богословскій классъ.

Кромѣ того, м. Гавріилъ проэктировалъ еще имѣть при академіи «особый класеъ для обученія нотному пѣнію—простому всѣхъ, а партесному имѣющихъ способные голоса, а также и церковному уставу».

Много вниманія м. Гавріилъ удѣлялъ въ своемъ проэктѣ т. н. «надзиранію надъ академіей», подъ которымъ разумѣлось устройство административно-хозяйственной и нравственно-воспитательной сторонъ

академической жизни. Между прочимъ, онъ проэктировалъ сосредоточить «главное управленіе въ академической конторѣ письменныхъ дѣлъ».

Меньшею оригинальностію отличался докладъ относительно желательныхъ преобразованій въ устройствѣ академій, представленный 2 марта 1798 г. Московскимъ митрополитомъ Платономъ[1]). По донесенію этого послѣдняго,[2]) въ Московской академіи изучались слѣдующіе предметы: латинскій, греческій, еврейскій и нѣмецкій языки; поэзія, реторика, философія и богословія, а также исторія, географія и ариѳметика. «Сего ученія», писалъ м. Платонъ, очевидно, въ отвѣтъ на запросъ относительно желательнаго «пріумноженія» академическихъ наукъ, «признается быть довольнымъ для такого юношества, которое къ духовному единственно приготовляется званію, ежели какъ учащіеся, такъ и учащіе будутъ ученіе производить рачительно, подъ добрымъ присмотромъ и распоряженіемъ. Сверхъ того, принимая въ уваженіе общее нынѣ французскаго языка употребленіе: то признается полезнымъ ученіе онаго языка, которое въ Академіи і прежде производилось»...

Общеобразовательныя науки (исторія и ариѳметика) преподавались до того времени въ Московской академіи совмѣстно съ другими предметами и одними и тѣми же учителями. М. Платонъ предлагалъ выдѣлить гуманныя науки въ особую группу и для преподаванія ихъ назначить особаго учителя, или даже двухъ учителей. Наконецъ, м. Платонъ проэктировалъ вдвое увеличить жалованье учителямъ академіи, которые до того времени получали за свой трудъ отъ 15 руб. до 200 рублей въ годъ, причемъ «можно иногда», замѣчалъ м. Платонъ, «производить менѣе назначеннаго числа, особливо при началѣ опредѣленія ихъ къ должности, и прибавлять, смотря по ихъ успѣхамъ, по представленіямъ ректора и префекта, и по разсмотрѣнію директора».

Относительно собственно своей, т. е. Московской Академіи м. Платонъ выражалъ пожеланіе, чтобы она изъ Москвы, гдѣ помѣща-

---

[1]) Платонъ Левшинъ, архіепископъ и потомъ митрополитъ Московскій (1775—1811 г. † 11 ноября 1812 г.). См. у П. Строева. Списки іерарховъ. С.П.Б., 1877 г. стр. 131.

[2]) См. арх. св. син. 1798 г. д. № 27, л.л. 77—81.

щалась дотолѣ въ зданіяхъ старыхъ, тѣсныхъ и неудобныхъ, была переведена или въ Воскресенскій, Новый Іерусалимъ именуемый, монастырь, или въ Троице-Сергіеву лавру, «гдѣ», писалъ онъ, «по причинѣ уединенія мѣста и удаленія всякой привлекательности, учащіеся могутъ гораздо удобнѣе въ продолженіи ученія удержать спокойствіе и вниманіе духа, и въ разсужденіи благонравія своего всегда быть безопаснѣе» [1]).

Въ казанской семинаріи, преобразовывавшейся тогда въ Академію, по донесенію казанскаго архіепископа Амвросія [2]) отъ 14 марта 1798 года [3]), преподаваніе наукъ совершалось «согласно духовному регламенту и порядку обученія въ народныхъ училищахъ... на латинскомъ языкѣ, по даннымъ для каждаго класса особымъ наставленіямъ, съ подробнымъ показаніемъ, чему и въ какое время и по какимъ книгамъ учить, такъ же и какихъ авкторовъ читать, съ правилами притомъ къ успѣхамъ въ ученіи и благонравіи».

Съ своей стороны, архіеп. Амвросій полагалъ необходимымъ въ новоучреждавшейся тогда Казанской Академіи 1) «завести обученіе еврейскому языку, такъ же языкамъ французскому и нѣмецкому, съ раздѣленіемъ своихъ сихъ на вышшій и нижшій классы, а по времени и татарскому; сверхъ того обучать студентовъ юриспруденціи теоретической и практической, и рисовальному искусству—нижшихъ классовъ учениковъ»; во 2) соединить піитическій и риторическій классы и установить особый классъ краснорѣчія, и въ 3) восполнить нѣкоторыми новыми предметами философскій и богословскій классы, присвоивъ учителю богословія званіе доктора, учителямъ философіи и краснорѣчія—профессоровъ, а ученикамъ этихъ трехъ классовъ—званіе студентовъ.

Бо́льшею оригинальностію отличалось слѣдующее пожеланіе архіеп.

---

[1]) Желаніе м. Платона видѣть Московскую Академію въ Троице-Сергіевской лаврѣ исполнилось только въ 1814 г. См. у С. Смирнова. Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870 г.). Москва, 1879 г. стр. 1—6.

[2]) Амвросій Подобѣдовъ, архіеп. Казанскій (1785—1799 г.г.) и потомъ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (до 1818 г. † 21 мая 1818 г.). См. у П. Строева. Списки іерарховъ. СПБ., 1877 г. стр. 289 ср. 38.

[3]) См. арх. св. син. 1798 г., д. № 27 л.л. 111—123.

Амвросія, имѣвшее отношеніе ко всѣмъ академіямъ. «Замѣчено», писалъ онъ въ концѣ своего доклада, «что многіе ученики нижнихъ классовъ, имѣющіе хорошіе способности и дарованія, но, за неуспѣхомъ по какимъ-либо случаямъ въ латинскомъ языкѣ, исключаются изъ семинаріи, яко непонятные: вразсужденіи чего, дабы и они могли проходить вышшіе классы, полагается учредить для таковыхъ преподованіе—риторики, философіи и богословія на русскомъ языкѣ чрезъ особыхъ учителей, ежели не можно того здѣлать, дабы и всѣ науки преподавалися на русскомъ языкѣ, а латинскому языку обучаться, какъ нынѣ обучаются греческому и другимъ языкамъ».

Какъ увидимъ впослѣдствіи, св. синодъ не рѣшился въ данное время на столь радикальную реформу, предлагавшуюся казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ. Проэктъ его относительно преподаванія въ академіяхъ на русскомъ языкѣ былъ отчасти осуществленъ, какъ будетъ сказано объ этомъ впослѣдствіи подробно, въ 1800 г. [1]) и затѣмъ въ 1803 г. [2]) въ видѣ учрежденія особыхъ т. н. «русскихъ» школъ при академіяхъ, равно какъ и при всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ. Но эта послѣдняя реформа на практикѣ оказалась очень неудачною и потому малополезною.

Обратимся теперь къ нашему Кіеву и посмотримъ, какъ здѣшнее епархіальное начальство и академія отнеслись къ предположеніямъ высшей церковной власти относительно преобразованія духовныхъ школъ и что они отвѣтили на запросъ этой послѣдней.

Синодальный указъ отъ 11 февраля 1798 г. былъ полученъ въ Кіевѣ 2 марта того же года. Митрополитъ Кіевскій Іероѳей Малицкій тогда же распорядился сообщить копію указа въ Академію, съ требованіемъ, чтобы ректоръ вмѣстѣ съ вице-ректоромъ, префектомъ и со всѣми учителями обсудили синодальный указъ и, принявъ во вниманіе прежнее синодальное распоряженіе, состоявшееся 27 декабря 1785 г., представили ему докладъ «съ основательнымъ своимъ мнѣніемъ въ самой скорости» [3]).

[1]) См. Акты и документы... № LXX стр. 215 – 216.

[2]) См. Полн. собр. закон. Россійск. импер., т. XXVII, № 20.670 лл. 501 - 502.

[3]) См. Акты и документы... № XVII, стр. 75.

24 марта того же 1798 года Кіевская Академія, въ отвѣтъ на требованіе м. Іерооея, представила свой докладъ. Въ этомъ послѣднемъ Академія, прежде всего, описывала тогдашнія академическія зданія и состояніе ихъ, причемъ признавала ихъ «весьма выгодными» и, кромѣ распространенія мѣста, какое занимала тогда Академія, и устройства особаго зданія для больницы, не усматривала «никакой надобности переносить Академію въ другое мѣсто»

Затѣмъ въ докладѣ описывался составъ учебнаго академическаго курса и порядокъ прохожденія его по классамъ вмѣстѣ съ росписаніемъ ежедневныхъ учебныхъ занятій, причемъ въ заключеніе говорилось слѣдующее: «котораго порядка ученія въ разсужденіи, что ученики довольные всегда оказываютъ успѣхи, перемѣнить не слѣдуетъ, кромѣ, что для смѣшенной математикѣ вмѣсто 3 часовъ въ недѣлю положить 6, которой и обучать во время ариѳметическаго класса, яко въ оной студенты философіи и богословіи, обучающіеся сей науки, въ ариѳметическій классъ не ходятъ».

Кромѣ того, Кіевская Академія, еще раньше того дополнившая составъ учебнаго курса, узаконеннаго въ 1785 г., рисовальнымъ искусствомъ, теперь выражала пожеланіе относительно возстановленія французскаго языка, какъ учебнаго предмета [1]).

Митрополитъ Іерооей Малицкій, повидимому, вполнѣ одобрилъ вышеозначенный проэктъ Кіевской Академіи и 2 апрѣля 1798 г. представилъ его св. синоду безъ всякихъ измѣненій. Въ своемъ рапортѣ онъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее огносительно учебнаго курса въ академіяхъ, которыя имѣлось въ виду преобразовать: «объясненный въ академическомъ рапортѣ порядокъ преподаваемыхъ наукъ нахожу я основательнымъ и къ перемѣнѣ онаго нужды не предвижу; но возстановить французскій языкъ не безполезнымъ бы было для желающихъ имѣть знаніе въ немъ, и ежели благоугодно будетъ святѣйшему синоду дать на то позволеніе, такъ для сего только языка и учителя нужно прибавить съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ» [2]).

[1]) См. тамъ же № XIX стр. 79—87.

[2]) См. арх. св. син. 1798 г. д. № 27 лл. 83—84. Здѣсь же на лл. 85—94 находится подлинный докладъ („репортъ“) Кіевской Академіи м. Іерооею отъ 24 марта 1798 года, напечатанный нами по другому списку. См. тамъ же № XIX стр. 79—87.

Такъ были скромны pia desideria относительно задуманнаго преобразованія академій и, въ частности, относительно «пріумноженія въ нихъ наукъ», какія были высказаны самими академіями и епархіальными преосвященными, въ вѣдѣніи которыхъ онѣ находились, въ отвѣтъ на запросъ со стороны св. синода. Возможное возвышеніе академій надъ семинаріями, въ виду особеннаго назначенія первыхъ —подготовлять семинарскихъ учителей, усиленіе русскаго языка въ академическомъ преподаваніи на счетъ всецѣло господствовавшей тогда латыни, возстановленіе французскаго языка въ академическомъ учебномъ курсѣ и введеніе особаго класса краснорѣчія и «юриспруденціи»—вотъ главнѣйшія изъ пожеланій, высказанныхъ тогда академическими начальствами и епархіальными архіереями, завѣдывавшими академіями. Однако и этимъ весьма скромнымъ пожеланіямъ на счетъ преобразованія академій не суждено было тогда же увидѣть свѣтъ...

Св. синодъ, получивъ донесенія всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ, кромѣ брацлавскаго (подольскаго) епископа, по вопросу о предположенной реформѣ духовныхъ школъ, а также и представленное особо Новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ «росписаніе о порядкѣ преподаваемаго въ С.-Петербургской Александро-Невской Академіи ученія, съ назначеніемъ въ классахъ и предметахъ пріумноженія» [1]), рѣшилъ 23 мая 1798 г. передать всѣ эти матеріалы своему члену, тверскому архіепископу Иринею [2]) «для общаго по нимъ соображенія о единообразномъ впредь во всѣхъ духовныхъ училищахъ порядкѣ ученія» [3]).

2 іюля 1798 г. архіепископъ Ириней Клементьевскій представилъ въ св. синодъ сочиненное имъ, на основаніи всѣхъ, бывшихъ у него подъ руками, матеріаловъ, «разсужденіе о порядкѣ и предме-

---

[1]) „Росписанія“ этого, къ сожалѣнію, не оказалось въ д. № 27 арх. св. син. 1798 г., хотя слѣды первоначальнаго нахожденія его тамъ (см. л л. 341—342) имѣются....

[2]) Иринеи Клементьевскій, епископъ и потомъ архіепископъ Тверской (1792—1798 г.), впослѣдствіи архіепископъ Псковскій (1798—1814 г.) † 24 апрѣля 1818 г. См. у П. Строева. Списки іерарховъ. С.П.Б. 1877 г. стр. 381. 445.

[3]) См. арх. св. син. 1798 г. № 27 л. 349.

тахъ ученія для семинарій и академій» [1]) «Разсужденіе» это представляетъ своего рода объяснительную записку къ новому уставу духовныхъ академій и семинарій, который предполагалъ выработать св. синодъ.

Въ своемъ «разсужденіи» архіепископъ Ириней говоритъ о цѣли и задачахъ духовнаго образованія. о цѣли учрежденія академій, о составѣ академическаго курса, раздѣленіи духовныхъ семинарій между окружными академіями, о составѣ семинарскаго курса и, наконецъ, о главныхъ принципахъ системы управленія и религіозно-нравственнаго воспитанія въ духовныхъ школахъ [2]).

Нѣкоторыя мысли, высказанныя архіеп. Ириней въ своемъ «разсужденіи», имѣютъ особенное значеніе для характеристики реформы духовныхъ школъ, введенной 31 октября 1798 г., и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

«Главное намѣреніе, съ которымъ учреждены духовныя училища», писалъ въ самомъ началѣ своего «разсужденія» архіепископъ Ириней, «есть то, чтобъ доставить церкви хорошихъ Слова Божія проповѣдниковъ, которые бы безъ дальнихъ пріуготовленій могли учить народъ ясно, порядочно, убѣдительно и съ пріятностію». Чтобъ удобнѣе сего достигнуть, нужно, во-первыхъ, дать образованіе тѣмъ, которые назначаются по семинаріямъ въ учители. На сей конецъ, сверхъ прежнихъ двухъ Академій въ Москвѣ и Кіевѣ, учреждены еще двѣ—въ С.-Петербургѣ и Казанѣ, въ кои должны быть присылаемы понятнѣйшіе изъ семинарій ученики, для усовершенія ихъ въ наукахъ.

Въ академіяхъ, кромѣ общихъ предметовъ всѣмъ семинаріямъ, будутъ преподаваться особые, а именно: 1) полная система философіи и богословіи; 2) вышшее краснорѣчіе; 3) чистая математика; 4) языки: еврейскій и греческій.»

Системы философіи и богословія проэктировалось преподавать на языкѣ латинскомъ [3]).

[1]) См. тамъ же л. 350.

[2]) См. тамъ же л.л. 351 – 354.

[3]) Важность и необходимость латыни для духовнаго образованія подчеркивалась составителемъ объяснительной записки также и въ рѣчи о семинарскомъ учебномъ курсѣ. „Послику усмотрѣно“, читаемъ здѣсь, „что

Полная система философіи и богословія оканчивалась каждая въ два года.

Въ философскомъ классѣ должны быть преподаваемы: 1) краткая исторія философіи: 2) логика: 3) метафизика: 4) нравоученіе: 5) натуральная исторія и физика, которую предполагалось, впрочемъ, преподавать непространно.

Въ богословскомъ классѣ изучались: 1) краткая церковная исторія; 2) герменевтика; 3) система догматической, полемической и моральной богословіи, и пасхалія: 4) чтеніе Св. Писанія, съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, книги кормчей и о должностяхъ приходскаго священника.

«Въ классѣ вышшаго краснорѣчія» (въ немъ должны были обучаться студенты философіи и богословіи въ особые часы), говорится, далѣе, въ докладѣ архіеп. Иринея, «читаетъ учитель лучшихъ авкторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ рѣчи, цѣлая онымъ резолюціи логическія и реторическія, и по тѣмъ резолюціямъ заставляетъ студентовъ сочинять имитаціи. Когда же такимъ образомъ какая рѣчь окончена и имитація сдѣлана будетъ, то назначенные ученики изучиваютъ наизустъ, одинъ рѣчь авкгора, другой имитацію. и потомъ говорятъ публично или въ Академіи, или въ церквѣ, по приличію содержанія. Сверхъ того въ семъ же классѣ обучаются исправно переводить на русскій языкъ».

Языкамъ еврейскому, а «наипаче греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія Св. Писанія», предполагалось обучать всѣхъ, какъ присылаемыхъ изъ семинарій, такъ и прочихъ Академіи студентовъ; нѣмецкому же и французскому, по склонности ученика, и по надобности для епархіи, чтобы, по крайней мѣрѣ, одному изъ сихъ всякій студентъ обучался непремѣнно»...

въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ знаніе латынскаго языка пришло почти въ упадокъ: для того нужно, чтобы обучающіеся въ семинаріяхъ упражнялись до философіи въ переводахъ Цицероновыхъ писемъ и рѣчей, по примѣру, какъ бываетъ въ прочихъ училищахъ, особливо въ академіи, образующей учениковъ тѣхъ семинарій. Для сего каждой семинаріи имѣть свѣдѣнія о порядкѣ ученія, въ прикосновенной академіи производимаго; а ректору академическому, дѣлая свои замѣчанія, служить потребными совѣтами и наставленіями для оныхъ.“ См. тамъ же л. 353 об.

Заслушавъ и весьма внимательно («имѣя должное о семъ предметѣ разсужденіе») обсудивъ какъ докладъ архіеп. Иринея, такъ и всѣ остальные матеріалы, св. синодъ въ засѣданіяхъ своихъ 27 августа и 4 октября выработалъ новый академическій и семинарскій уставъ, который и былъ объявленъ синодальнымъ указомъ 31 октября 1798 года [1]).

Академическая реформа 31 октября 1798 года была попыткою упорядочить, по возможности, всѣ стороны жизни нашихъ Академій и особенно учебной части ея.

Актомъ 31 октября 1798 года, прежде всего, вводилось академическое правленіе [2]). Оно должно было состоять, по уставу, изъ ректора и префекта Академіи. При немъ учреждалось нѣчто въ родѣ канцеляріи, которую имѣли составлять «два писца изъ ученковъ».

Академіи, которыхъ теперь, съ учрежденіемъ новыхъ двухъ (петербургской и казанской), было четыре, поставлялись во главѣ духовныхъ семинарій, причемъ эти послѣднія въ извѣстныхъ отношеніяхъ распредѣлялись на четыре округа, съ тою или другою Академіею во главѣ каждаго изъ нихъ. Непосредственныя взаимныя отношенія между Академіею и семинаріями, приписанными къ ней, по смыслу новой реформы, ограничивались тѣмъ, что семинаріи должны были чрезъ каждые два года посылать лучшихъ своихъ учениковъ «для усовершенія въ наукахъ» въ окружную Академію [3]). Въ видахъ установленія болѣе тѣсной связи между окружною Академіею и семинаріями, требовалось, чтобы Академія и семинарія ея округа имѣли свѣдѣнія «о порядкѣ ученія, преподаваемаго» въ той и въ другихъ. А ректору Академіи, кромѣ того, вмѣнялось въ обязанность въ нужныхъ случаяхъ «служить семинаріямъ (округа) потребными совѣтами и наставленіями» [4]).

Къ округу Кіевской Академіи, по закону 31 октября 1798 г., были приписаны слѣдующія 8 духовныхъ семинарій: 1) новороссій-

[1]) См. тамъ же л.л. 359—364.
[2]) См. Акты и документы... стр. 100. § 10.
[3]) См. тамъ же, стр. 98. § 1.
[4]) См. тамъ же, стр. 102. § 16.

ская, 2) черниговская: 3) минская, 4) брацлавская; 5) бѣлогородская; 6) харьковская. 7) переяславская и 8) житомірская [1]).

Учебный курсъ въ Академіи, по уставу 31 октября 1798 года, опредѣлялся въ такомъ видѣ. Кромѣ предметовъ, изучавшихся въ общихъ семинарскихъ классахъ (грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ), онъ долженъ былъ состоять изъ полной системы философіи и богословіи, высшаго краснорѣчія, физики и языковъ: еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго.

Философскую и богословскую системы требовалось изучать на латинскомъ языкѣ [2])—первую въ теченіи двухъ лѣтъ, а вторую—въ теченіи трехъ лѣтъ, причемъ хорошо успѣвавшіе богословы могли быть опредѣляемы на учительскія мѣста въ семинаріи и на др. должности и по окончаніи двухлѣтняго богословскаго курса.

Въ философскомъ классѣ въ Академіи должны были преподаваться слѣдующія философскія науки: исторія философіи, логика, метафизика, нравоученіе, натуральная философія и физика [3]).

Курсъ богословскаго класса составляли слѣдующія науки: краткая церковная исторія, съ показаніемъ главныхъ эпохъ, герменевтика, система догматико-полемической и нравственной богословіи, пасхалія, чтеніе св. писанія съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, кормчей книги и книги о должностяхъ приходскаго священника, публичное толкованіе по воскреснымъ днямъ, предъ литургіею, апостольскихъ посланій по правиламъ герменевтики, съ нравоученіями.

Кромѣ того, студенты философіи и богословіи должны были писать—первые философскія диссертаціи, а вторые—проповѣди, которыя, послѣ надлежащихъ исправленій профессорами, произносились публично—философами въ академическихъ собраніяхъ, а богословами—

---

[1]) См. тамъ же стр. 100 § 9.

[2]) Реформа 31 октября 1796 г. вообще имѣла въ виду поднять знаніе латинскаго языка въ духовныхъ школахъ. Семинаристамъ велѣно „до философіи упражняться въ переводахъ Цицероновыхъ писемъ и рѣчей“, „послику усмотрѣно“, замѣчается при этомъ, „что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ знаніе латинскаго языка пришло почти въ упадокъ“. См. тамъ же стр. 101 § 16 пунктъ 3. Ср. арх. св. син. 1798 г. № 27 л. 353 об.

[3]) См. тамъ же стр. 99 §§ 2—3.

въ церкви. Въ тѣхъ же классахъ полагались диспуты—частные, по усмотрѣнію начальства, и публичные—не менѣе двухъ разъ въ годъ [1]).

Въ классѣ высшаго краснорѣчія студенты философіи и богословіи должны были читать рѣчи лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, разбирать ихъ—логически и риторически и затѣмъ, на основаніи изученныхъ образцовъ, составлять подражанія. Особо избранные студенты должны были потомъ заучивать наизустъ и публично произносить въ академическихъ собраніяхъ—одинъ рѣчь, а другой—подражаніе [2]).

Языки—еврейскій и особенно греческій, «яко нужные для уразумѣнія священнаго писанія», должны были изучаться всѣми студентами Академіи; а нѣмецкій и французскій, по желанію студентовъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ изучалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ новый языкъ [3]).

Реформа 31 октября 1798 года коснулась и хозяйственной части въ жизни Академій. Не принося съ собою увеличенія средствъ на содержаніе Академій, каковыя средства незадолго предъ тѣмъ были возвышены, эта реформа стремилась возможно болѣе упорядочить академическое хозяйство. Съ этою цѣлію, во 1-хъ) проэктировалась спеціальная должность коммиссара, равно какъ и канцелярія при академическомъ правленіи предназначалась, по точному смыслу указа 31 октября 1798 года, между прочимъ, «для исполненія по хозяйству» [4]); во 2-хъ) вся сумма, отпускавшаяся на ежегодное содержаніе Академіи, должна была распредѣляться такимъ образомъ, чтобы не болѣе $^1/_3$ изъ этой суммы употреблялось на жалованье и на все содержаніе ректора, префекта, учителей, лѣкаря съ помощникомъ (изъ учениковъ), академическаго правленія съ коммисаромъ и писцами; вся же остальная сумма должна была идти на содержаніе студентовъ (въ томъ числѣ и присылавшихся изъ окружныхъ семинарій для довершенія образованія) и учениковъ, на библіотеку, больницу и зданія Академіи [5])

[1]) См. тамъ же стр. 99 § 4.
[2]) См. тамъ же стр. 99 § 5.
[3]) См. тамъ же стр. 99—100 § 6.
[4]) См. тамъ же стр. 100 § 10.
[5]) См. тамъ же стр. 100 § 11—12.

Опредѣленіе размѣра жалованья начальствующимъ и учителямъ Академіи указомъ 31 октября 1798 г. предоставлялось усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ, но при этомъ давались нѣкоторыя директивы. Такъ, напр., предусматривалась возможность уменьшенія казеннаго жалованья тѣмъ изъ начальствующихъ и учителей Академіи (очевидно, монашествующихъ), которые имѣли посторонніе доходы, напр., по должности настоятелей монастырей; наоборотъ, свѣтскимъ наставникамъ Академіи, въ видахъ увеличенія ихъ содержанія, рекомендовалось совмѣщать классы ординарные (по главнымъ и обязательнымъ предметамъ) и экстраординарные (по второстепеннымъ и групповымъ предметамъ), съ правомъ полученія жалованья за оба класса. Съ другой стороны, въ видахъ болѣе справедливаго назначенія жалованья начальствующимъ и учителямъ, требовалось, чтобы епархіальные архіереи, которымъ поручалось это дѣло, доносили объ этомъ св. синоду [1]).

Вообще въ реформѣ 31 октября 1798 г. замѣтна наклонность поставить Академіи въ болѣе или менѣе непосредственныя отношенія къ св. синоду. Такъ, напр., требовалось, чтобы епархіальные архіереи въ ежегодно представлявшихся ими вѣдомостяхъ объ учителяхъ и ученикахъ, каковой порядокъ былъ заведенъ раньше (указомъ св. синода 9 августа 1738 года, подтверждавшимся 14 августа 1774 г. и 5 октября 1784 г.), доносили о томъ, «что въ какомъ классѣ и какимъ порядкомъ было преподаваемо», ибо, говорилось въ указѣ 31 октября 1798 года, «и святѣйшему синоду нужно знать, вездѣ ли по академіямъ и семинаріямъ соблюдается установленный для ученія порядокъ» [2]).

Реформа 31 октября 1798 года обращала вниманіе и на постановку воспитательнаго дѣла въ духовныхъ школахъ, хотя ею и не давалось спеціальныхъ указаній на этотъ счетъ собственно для Академій. Улучшеніе воспитательной системы въ духовныхъ школахъ поставлялось въ прямую зависимость отъ личныхъ качествъ и дѣятельности ихъ руководителей. Поэтому, указомъ 31 октября 1798 г. епархіальнымъ архіереямъ внушалось обращать самое серьезное вниманіе на выборъ начальниковъ и учителей для Академій и семина-

[1]) См. тамъ же стр. 101 § 13 ср. § 11.
[2]) См. тамъ же стр. 102 § 16.

рій. Рекомендовалось, между прочимъ, «избирать не только искусныхъ въ наукахъ, но испытанныхъ и въ добромъ поведеніи, которые бы, примѣромъ своимъ располагая юношество къ трудамъ въ наукахъ и ко всякому благому дѣлу, старались при всякомъ случаѣ внушить имъ правила благонравія, служащія къ сохраненію ихъ непорочности, сколько въ настоящее время, а наипаче для того званія, къ коему они приуготовляются; особенно же вкореняя въ нихъ всегда страхъ Божій, располагали бы ихъ къ трезвости и, удаляя отъ нихъ грубость, обманъ, пьянство и ябеду, приспособляли заблаговременно, какимъ бы образомъ они наилучше могли обращаться въ будущее время съ своими прихожанами».

Изъ внѣшнихъ мѣръ, разсчитанныхъ на успленіе дисциплины въ духовныхъ школахъ, указывалось, между прочимъ, учрежденіе должности «инспекторовъ», повидимому, изъ среды воспитанниковъ «поведенія честнаго», которые должны были наблюдать за поведеніемъ учениковъ какъ казеннокоштныхъ и вообще жившихъ въ училищныхъ зданіяхъ, такъ и квартирныхъ, и «доносить о чемъ слѣдуетъ начальству, а сему, разсматривая, чинить пристойныя виновнымъ исправленія».

Въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ въ указѣ 31 октября 1798 года назывались «увѣщанія» и «исключеніе» изъ школы, причемъ рекомендовалось «и ту выключку и всѣ вины его, т. е. исключаемаго ученика записать въ журнальной книгѣ, каковы должны быть при каждомъ училищѣ» [1]).

Такова была реформа 31 октября 1798 года. Она была введена въ Кіевской Академіи немедленно, по полученіи въ Кіевѣ синодальнаго указа. 16 декабря 1798 г. митрополитъ Іероѳей Малицкій чрезъ консисторію потребовалъ отъ Кіевской Академіи соображенія относительно введенія учебной части въ Академіи по новому уставу. Эти соображенія были представлены митрополиту 20 января 1799 года вмѣстѣ съ проэктомъ новаго росписанія учебныхъ занятій въ Академіи. Митрополитъ Іероѳей 7 февраля 1799 г. утвердилъ эти соображенія, приказавъ сообщить о томъ окружнымъ семинаріямъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, потребовать соотвѣтствующихъ

[1]) См. тамъ же стр. 103—104. § 19.

свѣденій, и все это предстaвить въ св. синодъ. Обо всемъ этомъ онъ распорядился послать въ Кіевское академическое правленіе указъ «для объявленія всѣмъ господамъ учителямъ и дабы каждый съ нихъ вступилъ въ свою должность и продолжалъ оную съ ревностью» [1]). Вскорѣ послѣ того, при представленіи перваго доклада отъ вновь учрежденнаго академическаго правленія, м. Іероѳей далъ нѣкоторыя руководственныя указанія этому послѣднему относительно дѣятельности его [2]).

Такъ, съ февраля 1799 г. Кіевская Академія начала жить подъ руководствомъ правилъ новой реформы, введенной 31 октября 1798 года. Эта реформа, безъ сомнѣнія, представляла собою значительный шагъ впередъ по пути улучшенія духовныхъ школъ сравнительно съ тѣми мѣрами преобразованія ихъ, какія предпринимались св. синодомъ въ прежнее время, въ частности, въ годы царствованія императрицы Екатерины II. Реформа 31 октября 1798 года, прежде всего, давала нѣчто новое. Въ силу ея требованій, Академіи выдѣлялись изъ среды духовныхъ семинарій и возвышались надъ этими послѣдними въ качествѣ высшихъ и образцовыхъ учебныхъ заведеній, причемъ дѣлалась попытка распредѣленія всѣхъ существовавшихъ тогда духовныхъ семинарій между четырьмя Академіями на округа. Закономъ 31 октября 1798 года, далѣе, учреждался особый органъ для завѣдыванія внутренними дѣлами Академіи въ видѣ «академическаго правленія». Учебный курсъ Академіи пополнялся введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, напр., высшаго краснорѣчія, публичнаго толкованія по воскреснымъ днямъ апостольскихъ посланій, французскаго языка и чтенія сельской и домашней экономіи, частію же расширялся и углублялся посредствомъ раздѣленія общихъ богословскихъ и философскихъ дисциплинъ на спеціальныя. Нравственно-воспитательная сторона жизни Академій, равно какъ и всѣхъ вообще духовныхъ школъ, получала отъ преобразователей 1798 года нѣкоторые новые принципы и спеціальныя директивы, носившія на себѣ отраженіе предшествующей эпохи. Наконецъ, и въ хозяйственную сторону жизни Академій реформа 31 октября 1798 года пыталась внести извѣстный порядокъ и законность.

---

1) См. тамъ же №№ XXXIV и XXXV стр. 128—135.
2) См. тамъ же № XXXVI стр. 136—137.

Вообще говоря, реформа Академій, совершившаяся 31 октября 1798 года, превосходитъ всѣ аналогичные опыты преобразованія какъ всѣхъ вообще духовныхъ школъ, такъ, въ частности, и нашей Кіевской Академіи, имѣвшіе мѣсто въ XVIII в., и широтою плана, и новизною нѣкоторыхъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе всей реформы

Но, при болѣе внимательномъ изученіи этой реформы духовныхъ Академій, въ ней можно подмѣтить и нѣкоторые значительные недостатки. Реформа Академій и духовныхъ семинарій 31 октября 1798 года больше всего поражаетъ своею нерѣшительностію и какъ бы незаконченностію. Указъ 31 октября 1798 года, при тщательномъ изслѣдованіи его, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто составители его одно замолчали, другое не договорили, а иное намѣренно изложили въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Съ другой стороны, редакція законодательнаго акта 31 октября 1798 г въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ ясно понять, что составители его какъ будто боялись излишнихъ нововведеній и потому наряду съ новымъ уставомъ сохраняли въ силѣ и прежніе законы и распоряженія, хотя эти послѣдніе иногда совершенно расходились съ духомъ вводившейся реформы духовно-учебныхъ заведеній.

Поясним послѣднія наши слова нѣкоторыми примѣрами. Реформою 31 октября 1798 года вводилось «академическое правленіе» какъ бы самостоятельный органъ для завѣдыванія внутреннею жизнію Академіи. Но въ дѣйствительности значеніе этого послѣдняго органа совершенно уничтожалось, благодаря тому, что Академіи и послѣ реформы 1798 года оставлялись подъ властію духовныхъ консисторій, чрезъ которыя мѣстный епархіальный архіерей продолжалъ управлять Академіей. Академическое правленіе, какъ показалъ потомъ опытъ, было только исполнительнымъ органомъ для мѣстной духовной консисторіи, своего рода духовнымъ правленіемъ, чрезъ которое духовная консисторія управляла Академіею. Даже въ рѣшеніи чисто учебныхъ академическихъ вопросовъ компетенція духовной консисторіи ставилась выше компетенціи академическаго правленія. Протесты нѣкоторыхъ лицъ изъ профессорской корпораціи Кіевской Академіи противъ подобнаго ненормальнаго порядка, имѣвшіе мѣсто въ ближайшее послѣ введенія въ дѣйствіе устава 31 октября 1798 года время, заканчивались для нихъ обыкновенно весьма печально и отнимали

желаніе у другихъ возражать противъ того, ненормальность чего слишкомъ сильно чувствовалась и сознавалась ими.

Далѣе, реформою 31 октября 1798 г. полагалось, повидимому, прочное начало для новаго порядка вещей, въ силу котораго Академіи поставлялись во главѣ духовныхъ семинарій, причисленныхъ къ ихъ округу. Но въ сущности и этотъ пунктъ закона 31 октября 1798 года, благодаря неясности и неопредѣленности изложенія указа, остался на практикѣ неосуществившимся. По точному смыслу закона, Академіи поставлялись во главѣ окружныхъ духовныхъ семинарій, причемъ первыя должны были служить примѣромъ и образцомъ для послѣднихъ. Но единственное средство для осуществленія этого важнаго и, дѣйствительно, новаго сравнительно съ прежнимъ временемъ принципа указывалось въ томъ, что «семинаріи должны были чрезъ каждые два года посылать въ Академіи по два лучшихъ ученика», а также «имѣть свѣденія о порядкѣ ученія, преподаваемаго въ этой академіи, куда будутъ присылаемы для образованія семинаристы»; равно какъ и «каждая Академія должна была имѣть свѣденія о порядкѣ ученія, въ тѣхъ семинаріяхъ преподаваемаго», да еще ректоръ ея «долженъ былъ служить тѣмъ семинаріямъ потребными совѣтами и наставленіями». Реальныхъ же какихъ-либо правъ Академіямъ въ отношеніи окружныхъ духовныхъ семинарій реформою 31 октября 1798 года не было предоставлено. Поэтому, и самая попытка установленія непосредственныхъ отношеній между Академіями и ихъ окружными семинаріями, обнаруженная преобразователями 1798 года, не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно ничего о подобныхъ отношеніяхъ между Кіевскою Академіею и духовными семинаріями, приписанными къ ея округу, за исключеніемъ извѣщеній о порядкѣ преподаванія, какія посылались изъ Академіи въ семинаріи.

Интересенъ въ смыслѣ характеристики реформы 31 октября 1798 года, § 19 синодальнаго указа, содержавшаго въ себѣ распоряженія о введеніи этой послѣдней. Здѣсь говорилось слѣдующее: «за всѣмъ тѣмъ во всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ поступать по силѣ духовнаго регламента и послѣдовавшихъ отъ святѣйшаго синода указовъ»... Такимъ образомъ, съ введеніемъ устава 1798 года, не отмѣнялись не только порядки духовнаго регламента, противорѣчившіе прямому смыслу и духу новаго устава (для чего еще могли быть

свои резонныя соображенія), но и всѣ вообще прежніе указы синодальные по духовно-учебной части. Само собою разумѣется, что такая оговорка совершенно ослабляла всякое значеніе реформы 31 октября 1798 года, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ тѣхъ, которые не сочувствовали ей. А такихъ было тогда, какъ и во всякое другое время, немало.

Однимъ словомъ, самый характеръ реформы духовныхъ школъ, и, въ частности, Академій, введенной 31 октября 1798 года, ясно показывалъ, что эта реформа не могла быть долговѣчною. И, дѣйствительно, скоро, какъ увидимъ впослѣдствіи, она стала дополняться и измѣняться, пока, наконецъ, въ 1808 году не уступила свое мѣсто совсѣмъ новой, коренной реформѣ духовно-учебныхъ заведеній Россіи.

Первое дополненіе устава 31 октября 1798 года послѣдовало уже въ 1800 году. 25 августа 1800 года св. синодъ, выслушавъ предложеніе своего члена, петербургскаго архіепископа Амвросія, которое, въ свою очередь, было вызвано особымъ замѣчаніемъ Государя Императора, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы на будущее время неспособныхъ учениковъ не увольняли и не удаляли изъ духовныхъ училищъ, но обучали ихъ въ особыхъ „*школахъ*“ *или классахъ*, т. н. *русскихъ*. Въ этихъ русскихъ школахъ неспособные ученики должны были обучаться: чтенію, церковному уставу и кругу, нотному пѣнію, письму, а также священной исторіи и катихизису[1]).

Въ силу этого общаго распоряженія, «русская школа» была тогда же заведена и при Кіевской Академіи. Въ 1801 учебномъ году въ этой «школѣ» было 24 «малопонятныхъ» воспитанниковъ въ возрастѣ отъ 11 до 22 лѣтъ, причемъ 4 изъ нихъ были опредѣлены на должности причетниковъ, или «сторожей»[2]); въ 1802 г. таже школа имѣла у себя уже 33 ученика[3]).

«Русскія школы», заведенныя при академіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ въ 1800 г., оказались, по мнѣнію нѣкоторыхъ, пригодными пріютами для малоспособныхъ учениковъ, или же для такихъ изъ числа ихъ, которые, по другимъ какимъ-либо соображеніямъ и

---

[1]) См. тамъ же № LXX стр. 215—216.
[2]) См. тамъ же № XC стр. 347—349.
[3]) См. тамъ же № CII стр. 400.

причинамъ, не могли проходить весь продолжительный курсъ Академіи, или семинаріи. Поэтому, въ 1803 г. курсъ «русскихъ школъ» при Академіяхъ и семинаріяхъ былъ значительно расширенъ и въ строѣ ихъ произведены были нѣкоторыя перемѣны.

Инициаторомъ переустройства «русской школы» и на этотъ разъ явился Новгородскій митрополитъ Амвросій, который стоялъ за необходимость ихъ заведенія еще въ бытность его казанскимъ архіепископомъ, въ 1798 г., когда подготовлялась общая реформа Академій и семинарій, завершившаяся синодальнымъ указомъ 31 октября 1798 г. Митрополитъ Амвросій первоначально открылъ «русскія школы» при монастыряхъ своей епархіи, а именно: при Кирилло-бѣлоозерскомъ, Тихвинскомъ и Александро-свирскомъ, причемъ для этихъ школъ имъ было выработано особое «начертаніе», или планъ преподаванія въ нихъ.

Между тѣмъ въ началѣ 1803 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о заведеніи въ казенныхъ селахъ т. н. приходскихъ училищъ, съ привлеченіемъ къ преподаванію въ нихъ лицъ изъ числа приходскаго духовенства. Св. синодъ 18 марта 1803 г., принявъ во вниманіе это послѣднее распоряженіе правительства и выслушавъ докладъ своего члена, митрополита новгородскаго Амвросія, сдѣлалъ распоряженіе о преобразованіи «русскихъ школъ» во всѣхъ епархіяхъ по тому типу, какой былъ выработанъ митрополитомъ Амвросіемъ.

Теперь курсъ «русскихъ школъ», которыя должны были открываться при академіяхъ, семинаріяхъ и даже духовныхъ училищахъ, имѣлъ состоять изъ трехъ классовъ. Въ первомъ классѣ полагалось изучать: чтеніе славянской печати, чтеніе гражданской россійской печати, чистописаніе россійское, обиходное пѣніе по нотамъ и краткую россійскую грамматику; во второмъ классѣ: краткую священную исторію, краткую исторію и географію всеобщую и россійскую и краткую ариѳметику и пасхалію; въ третьемъ классѣ: краткую логику и риторику россійскую, книгу о должности человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, книгу о должности пресвитеровъ приходскихъ, руководство къ чтенію св. Писанія и церковный уставъ съ практикою въ церкви.

Курсъ перваго класса «русской школы» долженъ былъ изучаться въ теченіи одного года, а второго и третьяго классовъ—въ два года каждый.

Кромѣ того, проэктировалось учрежденіе при «русской школѣ» особаго класса «начатковъ греческаго и латинскаго языковъ» для тѣхъ учениковъ ея, въ которыхъ будутъ замѣчены способности къ высшимъ наукамъ.

Въ «русскихъ школахъ», такъ устроенныхъ, имѣли обучаться воспитанники отъ 8 до 18 лѣтъ, причемъ могли быть принимаемы сюда и болѣе возрастные, равно какъ и «молодые церковники», которые могли обучаться «по нѣскольку лѣтъ и по разнымъ временамъ года», при условіи исправнаго исполненія ими своихъ прямыхъ обязанностей [1]).

Ученики, окончившіе курсъ такой «русской школы», могли быть опредѣляемы на священническія мѣста въ селахъ, а также и на учительскія должности въ приходскихъ школахъ [2]).

«Русская школа» въ преобразованномъ видѣ была открыта при Кіевской Академіи въ томъ же 1803 году (съ 1-го сентября), когда состоялось и ея преобразованіе. По вѣдомости за 1803 годъ, въ первомъ классѣ русской школы при Кіевской Академіи считалось всего 19 учениковъ, во второмъ классѣ — 12 учениковъ и въ третьемъ классѣ — 9 учениковъ [3]).

Составъ учебнаго курса, преподававшагося во всѣхъ трехъ классахъ ея, совпадалъ съ тѣмъ курсомъ, какой былъ намѣченъ уставомъ. Онъ опредѣлился подъ сильнымъ вліяніемъ курса только что учрежденныхъ тогда народныхъ училищъ; по крайней мѣрѣ, учебныя руководства учителямъ «русской школы» рекомендовались тѣ же самыя, какія были приняты и въ народныхъ училищахъ [4]).

Въ такомъ видѣ «русская школа» существовала при Кіевской Академіи и въ послѣдующіе годы, хотя степень благосостоянія ея не всегда была одинакова. Существованіе ея здѣсь, кромѣ той общей цѣли, какую преслѣдовали законодатели, имѣло еще особое, спеціальное значеніе. «Русская школа» при Кіевской Академіи увеличивала собою количество русскихъ школъ въ юго-западномъ краѣ Россіи, гдѣ въ

---

[1]) См. тамъ же № CXII стр. 516—517.
[2]) См. тамъ же № CXI стр. 514—515.
[3]) См. тамъ же № CXXXIV стр. 634—637.
[4]) См. тамъ же № CXXXVI стр. 662—663.

то время было еще чрезвычайно сильно польское вліяніе. Это было какъ разъ время разцвѣта реформаторской дѣятельности такихъ извѣстныхъ просвѣтителей юго-западной Россіи, какъ кн. А. Черторійскій и его правая рука—гр. О. Чацкій [1]). Кіевская Академія и, въ частности, существовавшая при ней «русская школа», при всей ограниченности учебнаго курса послѣдней, воспитывали своихъ учениковъ въ чисто русскомъ духѣ и направленіи, что было такъ непріятно хитроумнымъ полонизаторамъ Западной Руси. Съ ихъ тенденціозными и явно несправедливыми отзывами объ академіи мы познакомимся ближайшимъ образомъ позже, въ слѣдующихъ томахъ «Актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академіи».

Съ давняго времени Кіевская Академія доставляла кандидатовъ для медицинскихъ учебныхъ заведеній. Въ годы цавствованія императрицы Екатерины II требованія кіевскихъ академистовъ въ медицинскую науку постепенно увеличивались.

Въ разсматриваемое нами время, падающее на послѣдніе годы XVIII в. и на первые годы XIX в., вызовы студентовъ Кіевской Акалеміи во врачебныя управы продолжались. Между прочимъ, св. синодъ 26 сентября 1797 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 28 августа того же года, распорядился, чтобы семинарскія начальства безпрепятственно отпускали во врачебныя школы, по опредѣленію медицинской коллегіи, тѣхъ изъ своихъ воспитанниковъ, которые заявятъ свое желаніе поступить въ медики и которыхъ признаютъ пригодными для того члены мѣстныхъ врачебныхъ управъ, по надлежащемъ испытаніи ихъ въ знаніи латинскаго языка и словесныхъ наукъ. Семинарскимъ начальствамъ вмѣнялось въ обязанность допускать членовъ мѣстныхъ врачебныхъ управъ въ свои заведенія для испытанія учениковъ въ знаніи вышеозначенныхъ предметовъ и для выбора изъ среды ихъ достойныхъ [2]).

Послѣднее распоряженіе св. синода распространялось и на Кіевскую Академію, какъ на единственное тогда духовно-учебное заведеніе Кіевской епархіи. Это распоряженіе послужило однимъ изъ поводовъ для конфликта между Кіевскою Академіею и Кіевскою врачебною упра-

[1]) См. у проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Исторія Императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г. т. I стр. 3 и слѣд.

[2]) См. Акты и документы... № VIII стр. 27—30.

вою. Конфликтъ этотъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на учебные порядки, существовавшіе въ Кіевской Академіи того времени, и, въ частности, на степень знанія кіевскими академистами латинскаго языка.

Дѣло происходило такъ. Синодальнымъ указомъ 14-го октября 1798 г. изъ Кіевской Академіи были потребованы шесть студентовъ для поступленія въ петербургское и московское врачебныя училища[1]). Кіевская Академія объявила о вызовѣ воспитанникамъ, изъ числа которыхъ 10 чел. изъявили желаніе поступить въ медицинскую академію. Всѣ они были тогда же отправлены въ мѣстную врачебную управу, которая, послѣ испытанія ихъ въ знаніи латинскаго языка, выбрала изъ нихъ шесть человѣкъ. Митрополитъ Іероѳей Малицкій распорядился отослать избранныхъ въ Кіевскую врачебную управу для отправленія ихъ въ медицинскую академію[2]). Въ слѣдующіе затѣмъ непосредственно годы выборъ студентовъ Кіевской Академіи врачебною управою и поступленіе ихъ въ медико-хирургическія академіи прошли безъ всякихъ осложненій. Но вотъ что произошло осенью 1801 г.

Еще 4 іюля 1801 г. синодальнымъ указомъ изъ Кіевской Академіи были потребованы 10 учениковъ для поступленія въ медико-хирургическую академію. Въ отвѣтъ на предложеніе академическаго начальства заявили свое желаніе поступить въ медики 14 учениковъ, которые 16 сентября 1801 г. были посланы въ врачебную управу для испытанія ихъ познаній въ латинскомъ языкѣ[3]). Какъ оказалось впослѣдствіи, академисты были приняты во врачебной управѣ очень недружелюбно. Членъ управы операторъ Волченецкій позволилъ себѣ самыя грубыя насмѣшки надъ явившимися къ экзамену юношами и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкую брань по адресу академическаго начальства. По словамъ воспитанниковъ академіи, операторъ Волченецкій обратился во время экзамена къ нимъ, будто бы, съ такими словами: «ваши учители ничего не знаютъ и васъ не учатъ; ежели бъ и вашего префекта... призвать сюда, то онъ бы ничего не смыслилъ; они только у бѣдныхъ спротъ собственное отнимаютъ, а ихъ ни знать

[1]) См. тамъ же № XXIV стр. 93—97.
[2]) См. тамъ же №№ XXVI, XXVII, XXVIII. стр. 104—107.
[3]) См. тамъ же № LXXXV стр. 247—252.

чѣмъ кормять, а въ залѣ такихъ, какъ сами, бородачевъ понарисовали: они такихъ прислали къ намъ на экзаменъ, которые и писать не умѣютъ. а которые хорошіе ученики, то тѣхъ въ монахи подговариваютъ»... [1]). Такое отношеніе оператора Волченецкаго къ воспитанникамъ Академіи имѣло слѣдствіемъ своимъ то, что одни изъ нихъ совсѣмъ уклонились отъ экзамена (ученикъ риторики Михаилъ Кохановскій), а прочіе, за исключеніемъ двухъ, дали неудовлетворительные, по мнѣнію врачебной управы, отвѣты. Врачебная управа увѣдомила Академію, что изъ присланныхъ сею послѣднею 14 учениковъ одинъ совсѣмъ не явился къ экзамену, одинъ оказался неумѣющимъ писать полатински, двое (студентъ богословіи Гр. Оробіевичъ и ученикъ риторики Ник. Концевичъ) были признаны способными, а остальные всѣ «здѣланными своими съ латинскаго на россійскій языкъ самыхъ маловажныхъ и непространныхъ задачъ переводами обнаружили себя незнающими латинскаго языка, нѣкоторые же, какъ видно, поступившіе нынѣ только въ реторическій классъ, мало умѣютъ по латынѣ и писать»... На этомъ основаніи врачебная управа просила Академію Кіевскую прислать вмѣсто признанныхъ ею негодными къ поступленію въ медико-хирургическую академію другихъ, знающихъ латинскій языкъ; а если-бы таковыхъ не нашлось въ академіи, то увѣдомила бы объ этотъ управу для донесенія государственной медицинской коллегіи [2]).

Но Академія Кіевская, незаслуженно оскорбленная, не исполнила послѣдней просьбы врачебной управы. Всѣ воспитанники Академіи, подвергшіеся экзамену во врачебной управѣ, въ томъ числѣ и признанные со стороны послѣдней способными къ поступленію въ медико-хирургическую академію, подали въ академическое правленіе заявленіе объ отказѣ отъ прежде выраженнаго ими желанія идти въ медики, о чемъ правленіе Академіи тогда же донесло митрополиту и духовной консисторіи [3]). Митрополитъ Гавріилъ (Банулеско-Бодони) приказалъ произвести экзаменъ по латинскому языку всѣмъ воспитанникамъ академіи, бывшимъ на испытаніи во врачебной управѣ,

---

1) См. тамъ же № LXXVIII стр. 232—236.
2) См. тамъ же № LXXVII стр. 231—232.
3) См. тамъ же № LXXIX стр. 236—237 и LXXX стр. 237—238.

въ присутствіи консисторіи. Результаты консисторскаго экзамена оказались совершенно противоположными тѣмъ, какіе получились прежде на испытаніи во врачебной управѣ. При этомъ выяснилась еще одна любопытная подробность, что Н. Концевичъ, одобренный врачебною управою, оказался слабѣе знающимъ латинскій языкъ, чѣмъ тѣ ученики, которыхъ забраковала управа [1]).

Одновременно съ этимъ м. Гавріилъ Банулеско-Бодони потребовалъ отъ академическаго правленія точной справки объ успѣхахъ учениковъ академіи въ знаніи ими латинскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ о причинахъ неудачи, постигшей нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ академіи во время экзамена во врачебной управѣ. Академическое правленіе объяснило митрополиту, что успѣхи воспитанниковъ Академіи въ знаніи ими латинскаго языка постепенно возвышаются, что операторъ Волченецкій прежде самъ одобрительно отзывался о воспитанникахъ академіи со стороны знанія ими латинскаго языка и что въ самое послѣднее время онъ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ единственно вслѣдствіе недоброжелательства къ Академіи. Причина же такого недоброжелательнаго отношенія оператора Волченецкаго къ Академіи заключалась въ томъ, что предъ этимъ онъ былъ академическимъ врачемъ, весьма небрежно относился къ исполненію своихъ обязанностей и потому академическое начальство должно было ему отказать отъ мѣста и замѣнить его другимъ. За это операторъ Волченецкій старался всячески мстить академіи и орудіемъ своей мести избралъ учениковъ, отправленныхъ во врачебную управу для испытанія по латинскому языку. При этомъ академическое правленіе представляло митрополиту осязательныя документальныя доказательства, съ одной стороны, небрежнаго отношенія оператора Волченецкаго къ своимъ обязанностямъ по должности академическаго врача, а съ другой стороны, его совершенно пристрастнаго отношенія къ воспитанникамъ академіи, явившимся на экзаменъ во врачебную управу [2]).

На основаніи всѣхъ этихъ свѣденій и справокъ, м. Гавріилъ Банулеско-Бодони составилъ подробный докладъ св. синоду о при-

[1]) См. тамъ же №№ LXXXI стр. 238—240 и LXXXII стр. 240 - 242.

[2]) См. тамъ же №№ LXXXIII стр. 243—245, LXXXIV стр. 245—247 ср. № LXXVI стр. 230—231.

скорбномъ конфликтѣ, происшедшемъ между Кіевскою Академіею и мѣстною врачебною управою, причемъ просилъ св. синодъ принять мѣры къ тому, чтобы операторъ Волченецкій впредь былъ устраненъ отъ испытанія учениковъ академіи, заявлявшихъ желаніе поступить въ медицинскія школы, и былъ замѣненъ другими лицами, которыя бы отнеслись къ академіи справедливо и безпристрастно[1]). Намъ неизвѣстно, какъ отнесся св. синодъ къ докладу кіевскаго митрополита, равно какъ мы не можемъ сказать и того, былъ ли, дѣйствительно, митрополитомъ представленъ его докладъ св. синоду. Сколько можно заключать изъ послѣдующихъ распоряженій св. синода по данному вопросу[2]), имъ не было принимаемо никакихъ спеціальныхъ мѣръ для урегулированія взаимныхъ отношеній между академіями и врачебными управами.

Между тѣмъ высшее начальство, не ограничиваясь однимъ привлеченіемъ воспитанниковъ духовныхъ школъ, въ томъ числѣ и Кіевской Академіи, къ поступленію въ медико-хирургическія академіи, пришло къ мысли о необходимости введенія преподаванія, по крайней мѣрѣ, первоначальныхъ основъ медицинской науки въ самыхъ духовныхъ школахъ. 17 іюля 1802 г. св. синоду былъ объявленъ Высочайшій указъ, которымъ обращалось вниманіе св. синода на крайне тяжелое и безпомощное положеніе сельскихъ жителей, среди которыхъ свирѣпствовали разныя эпидемическія болѣзни, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалось желаніе, чтобы духовенство пришло на помощь своей сельской паствѣ въ этомъ отношеніи. Съ цѣлію же возвышенія медицинскихъ познаній среди самаго духовенства проэктировалось, съ одной стороны, усиленный вызовъ духовныхъ воспитанниковъ въ медицинскія высшія школы, и, съ другой стороны, немедленное открытіе преподаванія въ духовныхъ школахъ первыхъ началъ врачебной науки, при содѣйствіи врачебныхъ управъ[3]).

Состоявшійся, на основаніи приведеннаго сейчасъ Высочайшаго повелѣнія, 24 іюля 1802 г. синодальный указъ консисторія кіевская объявила 12 августа того же года Кіевской Академіи, причемъ потребовала отъ правленія этой послѣдней представленія соображеній о

[1]) См. тамъ же № LXXXV стр. 247—252.
[2]) См. тамъ же № XCIV стр. 372—373.
[3]) См. тамъ же № XCIII стр. 369—372.

томъ, какимъ образомъ могло бы быть исполнено распоряженіе высшаго правительства объ открытіи преподаванія первыхъ началъ врачебной науки въ Кіевской Академіи съ начала предстоявшаго учебнаго года [1]). Академическое правленіе, по предварительномъ соглашеніи съ мѣстною врачебною управою [2]), 2—4 сентября 1802 года донесло Кіевской духовной консисторіи, что классъ медицины можетъ быть открытъ въ Кіевской Академіи и для преподаванія врачебной науки были назначены восьмой и девятый часы утра по средамъ и пятницамъ [3]). На первыхъ порахъ изъявилъ согласіе преподавать медицину студентамъ богословіи, философіи, риторики и не ниже поэзіи инспекторъ Кіевской врачебной управы А. Масловскій. Съ начала 1802—1803 учебнаго года открылось дѣйствительное преподаваніе первыхъ началъ врачебной науки въ Кіевской Академіи [4]).

Кромѣ медицины, въ Кіевской Академіи, послѣ введенія въ ней устава 31 октября 1798 года, былъ открытъ еще классъ нотнаго пѣнія. Иниціаторомъ учрежденія этого послѣдняго класса въ Кіевской Академіи былъ ея учитель и впослѣдствіи ректоръ архимандритъ Иринеи Фальковскій. Тотчасъ же послѣ назначенія своего архимандритомъ Кіево-братскаго монастыря, Иринеи Фальковскій открылъ въ этомъ послѣднемъ классъ нотнаго пѣнія и чтенія, причемъ предложилъ академическому правленію разрѣшить желающимъ воспитанникамъ Академіи посѣщать этотъ классъ. Академическое правленіе, вѣроятно, по какимъ-либо особеннымъ соображеніямъ, сначала отнеслось довольно холодно къ предложенію архимандрита Иринея Фальковскаго и, подъ благовиднымъ предлогомъ, даже отклонило его [5]); но потомъ съ начала 1800—1801 учебнаго года рѣшило открыть у себя классъ нотнаго пѣнія, назначивъ для него шестой часъ по полудни по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ [6]). 29 мая 1801 года Кіевская консисторія, по приказанію митрополита Гавріила Банулеско-Бодони, обращала нарочитое вниманіе академическаго правленія на

---

1) См. тамъ же № XCV стр. 373—375.
2) См. тамъ же № XCVI стр. 375—376.
3) См. тамъ же № XCVII стр. 376—378.
4) См. тамъ же №№ XCVIII стр. 378 и CII стр. 398—399.
5) См. тамъ же № LVI стр. 170—171.
6) См. тамъ же LXXI стр. 218.

необходимость усиления забот касательно пріобрѣтенія воспитанниками Академіи болѣе основательныхъ познаній въ церковномъ уставѣ, чтеніи и пѣніи. Поводомъ къ этому распоряженію послужило то обстоятельство, что студентъ богословіи Ив. Корнѣевскій на экзаменѣ у митрополита, предъ рукоположеніемъ во священники, оказался «въ чтеніи несовсѣмъ исправнымъ, ненаблюдающимъ ударе-ній, неумѣющимъ пѣть по нотамъ и по гласамъ и не токмо пасхаліи, но даже и числъ церковныхъ неразумѣющимъ и устава церковнаго несвѣдущимъ». Студентъ Корнѣевскій былъ опредѣленъ въ русскую школу и тою же участію консисторія угрожала всѣмъ другимъ академистамъ, которые оказались бы слабыми въ знаніи «церковнаго устава и другихъ къ сему потребныхъ предметовъ» [1]).

Въ разсматриваемое нами время мы видимъ особенныя заботы какъ высшаго церковнаго правительства, такъ и мѣстнаго епархіальнаго начальства о приведеніи въ порядокъ и улучшеніи хозяйственной стороны въ жизни Кіевской Академіи.

До 1798 г. академическая экономія сильно страдала, по причинѣ недостаточности штатной суммы, которая отпускалась на содержаніе Кіевской Академіи. Но 18 декабря 1797 г. сумма эта, по Высочайшему повелѣнію, была увеличена до 12.000 рублей въ годъ. Съ того времени, по словамъ автора «Историческаго Описанія Кіевской Академіи», состояніе Академіи «какъ въ разсужденіи публичнаго ученія, такъ и въ разсужденіи содержанія учителей и штатныхъ учениковъ противъ прежняго гораздо преимущественнѣйшимъ учинилось» [2]).

Въ 1798 году, какъ извѣстно, состоялось преобразованіе Академіи по новому уставу. Составители сего послѣдняго обратили весьма серьезное вниманіе на экономическое положеніе Академіи. Прежде всего, была учреждена, какъ мы видѣли, спеціальная должность комиссара для исполненія порученій академическаго правленія по хозяйству. Съ другой стороны, требовалось, чтобы изъ 12.000 руб. штатной суммы, отпускавшейся на содержаніе Академіи, только третья часть ея употреблялась на содержаніе и жалованье академическаго начальства, учительскаго персонала и всей академической админи-

---

[1]) См. тамъ же № LXXIV стр. 227—229 ср. № CXXI стр. 532—533.
[2]) См. тамъ же № LXXIII стр. 226.

страціи: вся же остальная сумма должна была идти на содержаніе академическаго зданія, больницы и учениковъ. Въ видахъ точнаго соблюденія новаго порядка расходованія штатной суммы на содержаніе Академіи, св. синодъ, предоставивъ епархіальнымъ архіереямъ право опредѣленія размѣра содержанія начальникамъ и учителямъ Академіи, равно какъ и вообще распредѣленія штатной суммы по различнымъ частямъ академическаго хозяйства, и принявъ другія мѣры къ упорядоченію экономической части въ Академіяхъ (§ 18), сохранилъ за собою право контроля, обязавъ архіереевъ доносить объ этомъ св. синоду [1]).

Въ Кіевской Академіи на первыхъ порахъ была обнаружена склонность къ сохраненію прежнихъ порядковъ относительно расходованія суммъ, которыя отпускались на содержаніе Академіи. Но мѣстные преосвященные сразу и рѣшительно пресѣкли подобныя тенденціи. Такъ, м. Гавріилъ Банулеско-Бодони на первыхъ же порахъ своего управленія Кіевскою Академіею обратилъ вниманіе на то, что академическое правленіе, вопреки ясному требованію синодальнаго указа отъ 31 октября 1798 г., составило точное опредѣленіе только размѣра содержанія начальствующихъ лицъ и учителей, а для остальныхъ частей смѣты указало только общія суммы. М. Гавріилъ 14 декабря 1799 г. потребовалъ отъ академическаго правленія представленія точной и подробной смѣты [2]).

Кромѣ того, въ видахъ урегулированія академическаго хозяйства, м. Гавріилъ Банулеско-Бодони тогда же распорядился объ освобожденіи академическаго префекта Иннокентія Ставицкаго отъ исполненія имъ казначейскихъ обязанностей и о назначеніи монаха своего дома Вавилы академическимъ казначеемъ [3]). Впослѣдствіи само академическое правленіе, быть можетъ, по указанію митрополита, выработало спеціальную инструкцію для казначея монаха Вавилы [4]), а еще нѣсколько позже дополнило эту инструкцію особыми соображеніями, которыя были утверждены митрополитомъ и имѣли своею цѣ-

---

1) См. тамъ же № XXV стр. 100—103.
2) См. тамъ же № LVII стр. 171—172 ср. № LXV стр. 184—186.
3) См. тамъ же № LVIII стр. 172—174.
4) См. тамъ же № LXIII стр. 178—180.

лію возможно болѣе полное упорядоченіе хозяйственной части въ Кіевской Академіи [1]).

Изъ другихъ обстоятельствъ, относящихся къ академическому хозяйству, должны быть отмѣчены здѣсь заботы академическаго правленія и начальства о возможномъ благоустройствѣ сиротскаго дома (бурсы) при академіи, больницы и отчасти библіотеки.

Академическій сиротскій домъ страдалъ болѣе всего отъ переполненія его. При нормальныхъ условіяхъ, въ немъ могли помѣщаться не болѣе 200 человѣкъ, изъ коихъ 50 человѣкъ—круглыхъ сиротъ—были на полномъ казенномъ содержаніи. На самомъ дѣлѣ полнокоштныхъ бурсаковъ бывало гораздо больше [2]). Съ 1798 г. должно было, по необходимости, наступить еще бо́льшее стѣсненіе въ академическомъ общежитіи, такъ какъ, въ силу синодальнаго указа отъ 31 октября 1798 г. ученики окружныхъ семинарій, присылавшіеся въ Кіевскую Академію для довершенія своего богословскаго образованія, должны были пользоваться полнымъ казеннымъ (впрочемъ, на особую, отпускавшуюся спеціально для того сумму) содержаніемъ и—главное—жить въ студенческомъ академическомъ домѣ. Такихъ иноепархіальныхъ студентовъ бывало обыкновенно въ Кіевской Академіи до 32 человѣкъ [3]). На содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, кромѣ части штатной суммы, употреблялись еще спеціальныя средства, которыя заимствовались изъ т. н. процентнаго капитала, который образовался въ академіи прежде, но ихъ было все таки совершенно недостаточно для сей цѣли. Нисколько неудивительно, поэтому, если въ академической бурсѣ господствовали тѣснота и бѣдность. Кромѣ пользовавшихся полнымъ казеннымъ содержаніемъ, здѣсь находились многіе бѣдняки, которые имѣли родителей или родственниковъ, доставлявшихъ имъ одежду, а помѣщеніе и пищу они получали отъ Академіи. Положеніе такихъ бѣдняковъ бывало иногда еще тяжелѣе, чѣмъ положеніе полнокоштныхъ пансіонеровъ. Родители и тѣмъ болѣе родственники ихъ, въ большинствѣ случаевъ сами терпѣвшіе бѣдность, не доставляли своимъ родственникамъ—академистамъ никакой одежды. Послѣдніе потому крайне бѣдствовали. 17 сентября 1801 г. академическое правленіе докладывало м. Гавріилу

[1]) См. тамъ же № LXIV стр. 180—183.
[2]) См. тамъ же LXIV стр. 182.
[3]) См. тамъ же № LXV стр. 186.

Банулеско-Бодони, что многіе изъ такихъ питомцевъ академической бурсы, «по небреженію домашнихъ ихъ попечителей, къ крайнему безобразію и бѣдствію своему, вовся онажились»[1]). А еще раньше того (въ мартѣ 1800 г.) академическое правленіе писало тому же митрополиту, что многіе изъ учениковъ Академіи, пользовавшихся казенною пищею въ бурсѣ, «будучи лишены одѣянія и обуви, не ходили въ классъ и напрасно теряли время»; «да и казенная понапрасну на нихъ исходитъ пища,» добавляло при этомъ академическое правленіе[2]).

М. Гавріилъ Банулеско-Бодони, побуждаемый неоднократными представленіями академическаго правленія о тяжеломъ матеріальномъ положеніи академическаго студенческаго дома, рѣшился, наконецъ, принять нѣкоторыя мѣры къ устраненію крайняго переполненія академической бурсы. 22 сентября 1801 г. онъ предложилъ Кіевской духовной консисторіи великовозрастныхъ учениковъ Академіи, въ томъ числѣ и бурсаковъ, распредѣлить на вакантныя въ епархіи причетническія мѣста, а о родственникахъ тѣхъ учениковъ Академіи, которые пользовались казенною пищею въ бурсѣ, навести точныя справки относительно степени матеріальной обезпеченности ихъ, съ цѣлію, разумѣется, побужденія ихъ къ точному исполненію ими своихъ обязательствъ по содержанію академическихъ бурсаковъ[3]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣденій о томъ, какими реальными результатами сопровождалась принятая м. Гавріиломъ Банулеско-Бодони мѣра. Кажется, впрочемъ, дальше канцелярской переписки дѣло не пошло. Академическая бурса попрежнему была переполнена и обитатели ея продолжали бѣдствовать, но не унывать. Крайняя нужда и лишенія съ раннихъ лѣтъ закаляли ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Авторъ-современникъ такъ отзывается о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «только бурсаки (бѣдныя дѣти духовнаго званія), закаленные нуждами всякаго рода, отличались между нами здоровьемъ и силою, такъ что я смотрѣлъ на бурсу,—казенное скудное мѣсто ихъ жилища и пропитанія—какъ на гнѣздо орлиное»[4]).

---

[1]) См. тамъ же № LXXXVI стр. 252.
[2]) См. тамъ же № LXIV стр. 182.
[3]) См. тамъ же № LXXXVII стр. 262—263.
[4]) См. тамъ же № XXXII стр. 123.

Бурса далеко не вмѣщала въ своихъ ветхихъ и тѣсныхъ зданіяхъ всей академической бѣдноты... Непопадавшіе въ бурсу размѣщались обыкновенно, въ силу давней кіевской традиціи, по церковно-приходскимъ школамъ г. Кіева. Но положеніе этихъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было даже еще болѣе бѣдственное, чѣмъ положеніе академическихъ бурсаковъ. Пользовавшіеся одною квартирою за тѣ услуги, какія они оказывали причтамъ церковнымъ, такіе академисты должны были все прочее добывать сами. Особенно сильно и ощутительно было для молодыхъ людей лишеніе въ пищѣ. Академія приходила на помощь такимъ своимъ питомцамъ путемъ выдачи небольшого пособія имъ изъ академической процентной суммы М. Іероѳей Малицкій въ 1799 г., предъ кончиною своею, по свидѣтельству академическаго правленія, «словесно приказалъ было живущимъ по приходскимъ школамъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ, неимущимъ отцовъ и матерей, выдать изъ процентной академической суммы на порцію въ день по три копѣйки, а въ мѣсяцъ по девяносто копѣекъ». Съ своей стороны, академическое правленіе рѣшило возбудить предъ новымъ митрополитомъ ходатайство о выдачѣ подобнаго же пособія и воспитанникамъ Академіи—сиротамъ свѣтскаго происхожденія, которые жили въ приходскихъ школахъ и въ пропитаніи имѣли нужду [1]). Если принять во вниманіе сравнительную дороговизну жизненныхъ продуктовъ, существовавшую тогда въ Кіевѣ (между прочимъ, муки ржаной пудъ стоилъ 45 к., четв. пшена и крупъ гречневыхъ—7 руб. и т. д.) [2]), то легко можно представить себѣ, какъ недостаточно было то трехкопѣечное ежедневное пособіе, которое Академія выдавала своимъ бѣднымъ питомцамъ, ютившимся по приходскимъ школамъ г. Кіева. А между тѣмъ и эта малая выдача ложилась тяжелымъ бременемъ на крайне скудный академическій бюджетъ.

Очень больное мѣсто въ санитарно-хозяйственной жизни Академіи разсматриваемаго нами времени составляла ея больница. Послѣдняя находилась въ академическомъ студенческомъ домѣ, или просто въ бурсѣ, на берегу р. Днѣпра и занимала изъ 13 комнатъ всего зданія 2 комнаты. Помѣщеніе академической больницы было

---

[1]) См. тамъ же № LV стр. 169—170.

[2]) См. тамъ же № LXV стр. 186.

до крайности тѣсное и, кромѣ того, какъ ничѣмъ невентилируемое отъ жилыхъ комнатъ, служило источникомъ распространенія болѣзней, особенно эпидемическихъ [1]). Поэтому, въ Академіи среди студентовъ была тогда большая смертность. Авторъ-современникъ—и самъ бывшій воспитанникъ Академіи—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, между прочимъ, слѣдующее: «осенью, и всего больше весною, частенько бывало провожаю юныхъ товарищей моихъ на кладбище Щекавицу» [2]) Все это видѣло и сознавало и само академическое начальство. Еще въ началѣ 1798 г. оно говоритъ о необходимости устройства особаго помѣщенія для академической больницы. Медленность городского управленія относительно уступки мѣста для академической больницы была, по утвержденію академическаго начальства, причиною того, что больница не строилась. Но въ томъ же году было приступлено къ заготовленію необходимыхъ матеріаловъ для устройства академической больницы на принадлежащемъ Академіи т. н. броварномъ подворьѣ. 23 декабря 1799 г. академическое правленіе просило у м. Гавріила Банулеско-Бодони разрѣшенія употребить оставшіяся отъ 1798 г. суммы на покрытіе расходовъ по устройству академической больницы [3]). Къ несчастію, и послѣ того смертность среди воспитанниковъ Академіи не уменьшилась. По свидѣтельству академическаго правленія, за время съ 30 октября 1800 года по 11 іюня 1801 года въ Академіи умерли одинъ учитель и 16 учениковъ [4]). Тутъ, безъ сомнѣнія, имѣло свое значеніе и мѣстоположеніе Кіевской Академіи, на которое жалуется въ своихъ запискахъ Е. Ѳ. Тимковскій [5]). Но значительная доля вины падала также и на небрежное, или неумѣлое лѣченіе больныхъ студентовъ академическими эскулапами. По крайней мѣрѣ, академическое правленіе не безъ основанія въ своемъ докладѣ м. Гавріилу Банулеско-Бодони въ сентябрѣ 1801 года указывало на то, что тогда какъ за время съ 30 октября 1800 г. по 11 іюня 1801 г. въ академической больницѣ умерли 17 человѣкъ, изъ всѣхъ квартирныхъ учениковъ Академіи скончался

---

[1]) См. тамъ же № XIX стр. 80.
[2]) См. тамъ же № XXXII стр. 122.
[3]) См. тамъ же № LIX стр. 174—175.
[4]) См. тамъ же № LXXVI стр. 230—231.
[5]) См. тамъ же № XXXII стр. 122.

только 1. Академическое правленіе обвиняло въ этомъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго пристрастія, тогдашняго врача академическаго, извѣстнаго уже намъ оператора Волченецкаго.

Въ разсматриваемое нами время принимались мѣры къ упорядоченію способовъ пріобрѣтенія и снабженія воспитанниковъ Академіи учебными книгами [1]).

Главнымъ начальникомъ Кіевской Академіи и до реформы ея по уставу 31 октября 1798 г. и послѣ этой реформы былъ кіевскій митрополитъ. Въ разсматриваемое нами время кіевскими митрополитами, а, слѣдовательно, и главными начальниками академіи были: Іероѳей Малицкій (1796—1799 г.) и Гавріилъ Банулеско-Бодони (1799—1803 г.). Кромѣ того, въ концѣ 1803 г., послѣ увольненія м. Гавріила Банулеско-Бодони и до назначенія на каѳедру кіевской митрополіи Серапіона Александровскаго, Кіевскою Академіею управлялъ викарный Чигиринскій епископъ Ѳеофанъ Шіяновъ-Чернявскій. При той обширной власти, какая принадлежала тогда митрополиту, какъ начальнику Академіи, онъ, безъ сомнѣнія, могъ оказывать и, дѣйствительно, оказывалъ сильное воздѣйствіе на всю жизнь Академіи. Къ сожалѣнію, личныя качества и отчасти обстоятельства времени были, вѣроятно, причиною того, что оба митрополита, руководившіе въ разсматриваемое нами время Кіевскою Академіею, не могли обнаружить того вліянія на жизнь Академіи, какого можно было бы отъ нихъ ожидать.

Митрополитъ Іероѳей Малицкій, по своему образованію и по всей прежней своей службѣ, былъ совершенно чужимъ для Кіевской Академіи, между тѣмъ какъ почти всѣ предыдущіе митрополиты были изъ воспитанниковъ, или даже изъ профессоровъ Академіи. Поэтому, необходимо было время для того, чтобы онъ, при другихъ своихъ многосложныхъ занятіяхъ и трудахъ, могъ хорошо познакомиться съ состояніемъ, жизнію и нуждами Академіи. Между тѣмъ почти вслѣдъ за назначеніемъ Іероѳея Малицкаго на Кіевскую митрополичью каѳедру начались приготовленія къ реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и Кіевской Академіи. Изъ Петербурга пошли разные запросы, требованія различныхъ соображеній и мнѣній по

[1]) См. тамъ же № VI стр. 24—25.

предмету подготовлявшейся реформы духовныхъ школъ, въ томъ числѣ и академій. М. Іероѳей, видимо, оказался въ большомъ затрудненіи, при исполненіи всѣхъ требованій высшаго правительства. Въ большинствѣ случаевъ онъ соглашался съ представленіями Академіи, хотя иногда пытался ихъ исправлять и дополнять. Оттого, можно думать, и самыя соображенія Кіевской Академіи относительно желательныхъ улучшеній въ строѣ академической жизни, особенно учебной стороны ея, представленныя м. Іероѳеемъ въ 1798 году, вышли не только скромными, но и въ значительной степени безцвѣтными [1]).

Въ непосредственныхъ отношеніяхъ митрополита Іероѳея Малицкаго къ Кіевской Академіи замѣчается мягкость, снисходительность, непослѣдовательность и даже слабость. Ярче всего эти черты, надъ которыми преобладала доброта, обнаружились во время прискорбныхъ столкновеній м. Іероѳея Малицкаго съ учителемъ богословскаго класса архимандритомъ Иринеемъ Фальковскимъ. Дѣло происходило такъ.

Регентъ митрополичьяго хора, по распоряженію самого митрополита Іероѳея, взялъ къ себѣ одного ученика Академіи, уроженца Брацлавской (Каменецъ Подольской) епархіи, для испытанія голоса. Инспекторъ, т. е. репетиторъ этого ученика, студентъ богословскаго класса С. Романовскій явился въ крестовую церковь митрополичьяго дома и во время богослуженія съ шумомъ сталъ упрекать регента за такое его дѣйствіе. Не ограничившись этимъ, онъ домогался видѣть самого митрополита, но былъ недопущенъ къ нему. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ Іероѳей распорядился, чтобы архимандритъ Ириней Фальковскій, какъ учитель богословскаго класса, въ присутствіи префекта Академіи, сдѣлалъ въ классѣ публичный выговоръ студенту Романовскому. Архим. Ириней отказался исполнить приказаніе митрополита и въ тотъ же день написалъ митрополиту Іероѳею письмо, наполненное рѣзкими и даже оскорбительными по отношенію къ митрополиту выраженіями и требованіями. Выразивъ сомнѣніе на счетъ справедливости того, что было доложено митрополиту о поступкѣ студента

[1]) См. тамъ же № XIX стр. 79—87.

Романовскаго, а также желаніе, чтобы въ классѣ богословскомъ, во время занятій, не производились никакія разслѣдованія и наказанія студентовъ, чтобы необходимыя объявленія о распоряженіяхъ митрополита дѣлались въ богословскомъ классѣ въ присутствіи только ректора, а не префекта Академіи, чтобы проступокъ студента Романовскаго былъ разслѣдованъ въ академическомъ правленіи, въ которомъ слѣдовало бы присутствовать и ему, архимандритъ Иринеи Фальковскій заканчивалъ свое письмо такимъ обращеніемъ къ митрополиту: «заклинаю ваше высокопреосвященство именемъ Божіимъ безъ гнѣва выслушать слѣдующее: какимъ образомъ православная наша богословія не признаетъ непогрѣшительности римскихъ папъ (infallibilitatem), такъ равно не признаетъ она непогрѣшительности и православныхъ епископовъ, или патріарховъ, она велитъ и самыхъ святыхъ отцовъ мнѣнія съ словомъ Божіимъ сносить и, по довольномъ изслѣдованіи, оныя одобрять, или охуждать; а посему и неудивительно, естьли студенты богословія, кои нынѣ, по указу святѣйшаго синода, слушаютъ кормчую, начнутъ иногда по церковнымъ оной книги правиламъ разсуждать о правахъ и власти епископовъ, да и разсужденіе таковое запрещено имъ быть не можетъ, а какъ притомъ богословскіе православные классы составляютъ духовное церкви Христовой воинство, отъ коего она всей защиты и безопасности ожидать должна, то я прошу нижайше ваше высокопреосвященство, какъ православнаго церкви нашей архипастыря, къ священному сему классу оказывать болѣе уваженія и благоволенія, нежели сколько враги православія, или несмысленныя церкви чада желаютъ; а потому и нижайшія наши предложенія или мнѣнія, яко происходящія отъ усерднѣйшихъ какъ о временномъ благосостояніи, такъ и о вѣчномъ спасеніи вашего высокопреосвященства помышленій, милостивѣйше принимать, а иногда отъ насъ и требовать оныхъ; ибо кто можетъ во всей епархіи пристойнѣе, свободнѣе и способнѣе насъ оныя въ затруднительныхъ случаяхъ подавать? Мнѣніе православныхъ богослововъ требуетъ и часто принимаетъ самый святѣйшій синодъ; поелику великая часть бремени снята съ епископовъ и сложена на нихъ и притомъ собственная ихъ должность есть та, чтобъ въ словѣ Божіемъ день и нощь упражняться и всѣ изъ онаго почерпаемыя наставленія всей Христовой церкви свободно, то есть безъ страха и стыда проповѣдывать

по онымъ Давыдовымъ словамъ: «Глаголахъ о свид[illegible] Твоихъ предъ цари и не стыдяхся»[1]).

Приведенное нами письмо, написанное архимандритомъ Иринеемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ прискорбной болѣзни, которою онъ страдалъ по временамъ, можно думать, содержало въ себѣ, кромѣ оскорбительныхъ выраженій, еще язвительные намеки на черты характера митрополита Іерофея Малицкаго и его отношеній къ подчиненнымъ и ко всей вообще паствѣ. Поэтому, письмо чрезвычайно обидѣло и раздражило митрополита Іерофея. Онъ тотчасъ же, по прочтеніи письма, предложилъ консисторіи вызвать архимандр Иринея въ присутствіе и допросить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявить ему что объ этомъ письмѣ, равно какъ и о всей жизни его будетъ донесено св. синоду[2]). Между тѣмъ архим. Ириней, еще къ бо́льшему огорченію митрополита, на приглашеніе явиться въ присутствіе консисторіи, отказался сдѣлать это, сославшись, между прочимъ, на то, что онъ состоитъ архимандритомъ Гамалѣевскаго монастыря черниговской епархіи, и слѣдовательно, неподчиненъ кіевской консисторіи, а какъ учитель Кіевской Академіи, считаетъ себя обязаннымъ являться только лично къ митрополиту[3]). Митрополитъ Іерофей далъ новое предложеніе консисторіи вызвать архимандрита Иринея вторично для объясненія, съ предупрежденіемъ ему, что въ противномъ случаѣ противъ него будутъ приняты рѣшительныя мѣры; но Иринеи Фальковскій не подчинился и этому требованію[4]). Тогда митрополитъ Іерофей обратился въ св. синодъ съ рапортомъ, въ которомъ, упоминая о пристрастіи архим. Иринея Фальковскаго къ спиртнымъ напиткамъ и др. недостаткахъ его, подробно описывалъ обстоятельства, при которыхъ было нанесено имъ оскорбленіе митрополиту, и въ заключеніе просилъ св. синодъ защитить его «отъ таковыхъ поношеній, его, архимандрита, за вышеписанные дерзостные поступки усмирить и въ страхъ другимъ, мнѣ подчиненнымъ, безъ оштрафованія не оставить, или же совсѣмъ по наступленіи будущихъ вакацій, не только отъ должности учительской отрѣшить, но и изъ епар-

---

[1]) См. тамъ же № XXXVIII стр. 138—140.
[2]) См. тамъ же № XXXIX стр. 140—141.
[3]) См. тамъ же № XLI стр. 143.
[4]) См. тамъ же № XLII стр. 144—145.

хіп моей исключить, поелику при академіи есть таковы люди, которые знаніемъ въ наукахъ ему не уступаютъ, а честностію поведенія несравненно [illegible] превосходятъ и могутъ даже сей день заступить учительское его мѣсто»[1]). Св. синодъ 2 іюня 1799 года постановилъ было архим. Иринея Фальковскаго, послѣ того, какъ онъ испроситъ у митрополита Іероѳея прощеніе за причиненную ему обиду, перевести изъ Кіева въ Москву на должность члена коммисіи для цензуры духовныхъ книгъ[2]). Но въ это время мирополитъ Іероѳей уже успѣлъ примириться съ архимандритомъ Иринеемъ Фальковскимъ, который еще 29 марта 1799 г., т. е. въ день отправленія митроп. Іероѳеемъ въ св. синодъ вышеупомянутой жалобы на Иринея, письменно просилъ митрополита простить ему вину его, которую онъ вполнѣ сознавалъ, и «все по оному письму произшедшее слѣдствіе повелѣть прекратить и даровавъ всѣмъ, въ семъ дѣлѣ виновнымъ, всеобщую амнестію, оное совершенному и всегдашнему забытію предать»[3]). Митрополитъ Іероѳей, дѣйствительно, простилъ увлекшагося и забывшагося архимандрита и еще прежде полученія вышеупомянутаго синодальнаго указа о переводѣ архим. Иринея изъ Кіева въ Москву послалъ въ св. синодъ отъ себя два доношенія, изъ которыхъ въ первомъ просилъ св. синодъ, чтобы архим. Ириней, котораго онъ, въ виду искренняго его раскаянія, простилъ, «предпочитая общественную пользу своей обидѣ», былъ оставленъ по прежнему при Академіи, какъ таковой человѣкъ, «который, по своимъ дарованіямъ, для оной нуженъ и полезенъ»,[4]) и во второмъ, кромѣ того, ходатайствовалъ предъ св. синодомъ даже о назначеніи архимандрита Иринея Фальковскаго настоятелемъ возстановленнаго тогда Кіево-братскаго монастыря[5]). Св. синодъ уважилъ эти представленія и ходатайство митрополита Іероѳея Малицкаго и указомъ 27 іюля 1799 года оставилъ архимандрита Иринея Фальковскаго учителемъ Кіевской Академіи, «яко искуснаго въ ученіи, для пользы академіи», и, кромѣ

---

[1]) См. тамъ же № XLIII стр. 145—149.
[2]) См. тамъ же № XLVII стр. 155—158.
[3]) См. тамъ же № XLIV стр. 149—150.
[4]) См. тамъ же № L стр. 162—163.
[5]) См. тамъ же № LI стр. 163—165.

того, назначилъ его настоятелемъ Кіево-братскаго монастыря, тогда возстановленнаго [1]).

Такъ закончилось это дѣло, благодаря главнымъ образомъ добротѣ и снисходительности м. Іероѳея Малицкаго, который невольно привлекаетъ къ себѣ глубокія симпатіи рѣдкимъ свойствомъ и готовностію «предпочитать общественную пользу личной обидѣ».

М. Іероѳея Малицкаго смѣнилъ, въ качествѣ главнаго начальника Кіевской Академіи, Гавріилъ Банулеско-Бодони. Какъ бывшій ученикъ Академіи, слушавшій въ ней богословіе, м. Гавріилъ Банулеско-Бодони былъ ближе и роднѣе для Кіевской Академіи, нежели его предшественникъ. Но какъ иноземцу, всею душею тяготѣвшему къ своей родинѣ—Молдавіи, м. Гавріилу Банулеско-Бодони были чужды и Кіевъ и интересы Академіи. Самый скорый и неожиданный для многихъ уходъ его изъ Кіева былъ въ значительной степени слѣдствіемъ его любви къ родинѣ, побудившей (любви) его такъ легко разстаться съ Кіевскою митрополіей и Академіею. Благодаря этому, отношенія м. Гавріила Банулеско-Бодони къ Кіевской Академіи были лишены той сердечности, которая замѣтна въ отношеніяхъ его предшественника къ Академіи. М. Гавріилъ Банулеско-Бодони, сколько можно судить по оффиціальнымъ документамъ, относился къ Кіевской Академіи, учителямъ и ученикамъ ея строго юридически, формально. Такъ, напр., онъ, повидимому, совершенно спокойно издаетъ распоряженія о распредѣленіи учениковъ Академіи на причетническія мѣста и рекомендуетъ строгія ограничительныя мѣры относительно бѣдныхъ бурсаковъ [2])...

Но м. Гавріилъ Банулеско-Бодони былъ вообще хорошимъ администраторомъ. Какъ таковой, онъ сдѣлалъ много добраго и для Кіевской Академіи, хотя его дѣятельность была направлена почти исключительно на проведеніе въ жизнь распоряженій высшаго правительства. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны заботы м. Гавріила Банулеско-Бодони о приведеніи въ порядокъ академическаго хозяй-

---

[1]) См. тамъ же № LIII стр. 166—168 и № LIV стр. 168—169.
[2]) См. тамъ же № LXXXVII стр. 262—263.

ства [1]), о надлежащемъ устройствѣ «русской школы» при Академіи [2]) и объ усиленіи церковности въ Академіи [3]).

Кіевская Академія въ разсматриваемые нами годы ея жизни была весьма многолюднымъ учебнымъ заведеніемъ. Такъ, въ 1797 г. въ Академіи училось всего 845 чел. [4]) въ 1801 г.—1177 чел. [5]), въ 1802 г.—1146 чел. [6]) и въ 1803 г.—1187 чел. [7]). Кіевская Академія въ это время не была спеціально епархіальнымъ и сословно-духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Среди ея воспитанниковъ былъ тогда очень значительный процентъ иноепархіальныхъ и свѣтскихъ. Такъ, напр., въ 1797 г. въ Кіевской Академіи иноепархіальныхъ духовныхъ воспитанниковъ было 297 ч., въ 1801 г.—иноепархіальныхъ духовныхъ—107 ч. и свѣтскихъ—207 ч., въ 1802 ч. иноепархіальныхъ духовныхъ—100 ч. и свѣтскихъ—159 ч. и въ 1803 г. иноепархіальныхъ—99 ч. и свѣтскихъ—172 ч. Кіевская Академія и въ это время, какъ и прежде, пользовалась широкими симпатіями среди свѣтскихъ слоевъ малороссійскаго населенія, какъ желательное для нихъ мѣсто воспитанія ихъ дѣтей. Е. Ѳ. Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ, что у дворянъ его времени было въ обычаѣ обучать въ Кіевской Академіи своихъ сыновей, которые потомъ иногда поступали въ московскій университетъ [8]).

Академическое образованіе того времени носило преимущественно формальный характеръ. Тотъ же характеръ имѣли и диспуты, которые практиковались тогда въ Кіевской Академіи. Наблюдавшій ихъ лично лѣтомъ 1799 года В. В. Измайловъ такъ отзывается о нихъ: «кажется, что говорено было только о томъ, что было затвержено наканунѣ: по крайней мѣрѣ, движеніе физіономіи не показывало, что умъ работалъ и искалъ доказательствъ» [9]).

---

[1]) См. тамъ же № LVII стр. 171—172, № LVIII стр. 172—174, №LXIV стр. 180—183 и др.

[2]) См. тамъ же № CXXI стр. 532—533 ср. № CXI стр. 514—515, № CXII стр. 516—517.

[3]) См. тамъ же № LXXIV стр. 227—229.

[4]) См. тамъ же № XVI стр. 73.

[5]) См. тамъ же № XCI стр. 361.

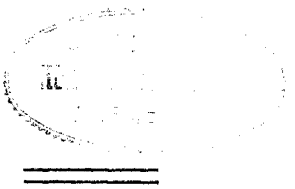
[6]) См. тамъ же № CV стр. 495.

[7]) См. тамъ же № CXXXV стр. 652.

[8]) См. тамъ же № XXXII стр. 117—118.

[9]) См. тамъ же № XLVI стр. 152.

Впрочемъ, вліяніе новыхъ вѣяній въ области народнаго просвѣщенія, появившихся въ Россіи въ концѣ XVIII в. и въ самомъ началѣ XIX в., стало постепенно проникать и въ Академію. Оно сказывалось особенно замѣтно въ усиленіи въ академическомъ преподаваніи наукъ историческихъ, математики, естествовѣдѣнія и медицины, равно какъ и русскаго языка на счетъ всецѣло господствовавшей предъ тѣмъ въ духовныхъ школахъ латыни.



Вышли въ свѣтъ и продаются въ Редакціи „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“ новыя изданія пр. Ѳ. П. Титова:

1) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г. г.). Томъ I (1796—1803 г. г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями пр. Ѳ. П. Титова. Кіевъ. 1910 г. Ц. 4 руб.

2) Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія. Вып. I. Русское книгописаніе въ XI—XVIII в. в. Кіевъ. 1910 г. Ц. 4 руб. (Съ 74 рисунками).

Цѣна 30 коп.